

ГИЙОМ МЮССО

спаси меня

«Гийом Мюссо – отчасти Джеймс Кэмерон, отчасти
Стивен Спилберг в современной французской литературе».

- LIRE EST UN PLAISIR -

Гийом Мюссо

Спаси меня

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мюссо Г.

Спаси меня / Г. Мюссо — «Эксмо», 2005

ISBN 978-5-699-83088-6

В заснеженном Нью-Йорке встречаются двое: Жюльет и Сэм. Они были вместе всего несколько дней, но за эти дни прожили целую жизнь и поняли, что созданы друг для друга. Но Жюльет пора возвращаться домой, в Париж. Самолет, на который у нее куплен билет, разбивается. Сэм раздавлен горем — он уверен, что это конец. Но на самом деле это только начало — начало увлекательнейшей истории, в которой будет все: и романтика, и мистика, и детектив.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-83088-6

© Мюссо Г., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

-1-	6
-2-	10
-3-	14
-4-	20
-5-	23
-6-	28
-7-	35
-8-	42
-9-	47
-10-	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гийом Мюссо

Спаси меня

© Г. Шарикова, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Когда я думаю о вас, сердце мое начинает биться чаще,
Все остальное не имеет для меня никакого значения*

–1–

*Сегодня – первый день из тех, что тебе осталось прожить.
Надпись на скамейке в Централпарке*

Нью-Йоркская бухта. Раннее январское утро.

С огромной высоты, где облака плывут на север, виднеется Эллис-Айленд и статуя Свободы. Очень холодно. Город оцепенел, охваченный снежной бурей.

Вдруг толщу облаков разрывает птица с серебристыми крыльями, она стремительно спускается к крышам небоскребов. Не замечая ни снег, ни ветер, птица скользит, влекомая неведомой силой, в сторону Манхэттена. Тревожно крича, она проносится над Гринвич-Виллидж, над Таймс-сквер – на запад, в сторону Нижнего Манхэттена, и опускается на портал центрального входа в Морнингсайд-парк.

Мы на самом краю парка, недалеко от Колумбийского университета.

Меньше чем через минуту на последнем этаже невысокого здания зажжется свет.

Через пару секунд сон молодой француженки Жюльет Бомон оборвется.

6:59:57

:58

:59

7:00:00

* * *

Как только на ночном столике зазвонил будильник, Жюльет, не открывая глаз, смахнула его на пол. Надоедливое дребезжание тут же смолкло.

Она нехотя вылезла из теплой постели, сделала несколько нетвердых шагов почти на ощупь, но запуталась в коврике. Разозлившись, она нацепила на нос очки: Жюльет терпеть их не могла, но из-за близорукости ей было без них не обойтись, а контактные линзы девушка никогда не носила.

Спускаясь по лестнице, она миновала множество зеркал разных форм и размеров в разукрашенных рамках. Странная коллекция. В каждом отражалась миловидная женщина двадцати восьми лет, с растрепанными волосами до плеч и лукавым взглядом. Последнему отражению она скорчила недовольную гримасу, постаравшись, однако, на скорую руку привести в порядок прическу, пригладив непокорные золотистые пряди. В свободной майке с глубоким вырезом и трусиках с кружавчиками она выглядела соблазнительно и в то же время мило: Жюльет закуталась в клетчатый плед и прижала к животу еще теплую грелку. Система отопления в квартире, которую она и ее подруга Колин снимали вот уже три года, оставляла желать лучшего.

«Подумать только! И мы еще платим за это две тысячи долларов!» – вздохнула она.

Закутанная с ног до головы, придерживая локтем плед и грелку, она добралась до кухни маленькими шажками и толкнула дверь бедром. Тут же на нее набросился толстый кот тигрового окраса – он уже давно готовил засаду. Кот вскарабкался по одеялу к ней на плечи, едва не оцарапав.

– Кыш, Жан-Камиль! – вскрикнула Жюльет, осторожно взяла его под передние лапки и опустила на пол.

Сердито мяукнув, кот обиженно свернулся калачиком в своей корзинке.

Тем временем Жюльет наполнила кастрюлю водой, поставила ее на огонь, а затем включила радиоприемник:

«...снежная буря, бушевавшая в последние двое суток в Вашингтоне и Филадельфии, продолжает смещаться на северо-восток страны, распространяясь на районы Нью-Йорка и Бостона.

Этим утром Манхэттен проснулся под толстым слоем снега, парализовавшим город и замедлившим движение на дорогах.

Воздушное сообщение будет крайне затруднено в связи с непогодой: рейсы из аэропортов Джона Кеннеди и Ла Гуардиа отменены или перенесены на более поздние сроки.

Ситуация на дорогах также крайне осложнена из-за снежных заносов, поэтому власти настоятельно рекомендуют автомобилистам по мере возможности не пользоваться личным транспортом.

Метро, по всей вероятности, будет работать в обычном режиме, но расписание автобусов претерпит изменения. Железнодорожная компания «Амтark» сообщает об отмене некоторых регулярных рейсов. Впервые за последние семь лет в городе будут закрыты для посещения музеи, зоопарк и большинство достопримечательностей.

Причиной снежной бури стало столкновение масс влажного воздуха с Мексиканского залива и холодного атмосферного фронта, продвигающегося со стороны Канады. В течение дня циклон переместится по направлению к Новой Англии.

Будьте осторожны.

Вы слушаете радио «Манхэттен, 101,4».

Радио «Манхэттен, 101,4». Дайте нам десять минут – и мы дадим вам целый мир».

Жюльет слушала новости, невольно поеживаясь от холода. Надо срочно что-нибудь выпить, чтобы согреться. Она посмотрела в шкаф: чая нет, растворимого кофе тоже. Испытывая чувство неловкости, она даже заглянула в раковину, в надежде обнаружить там пакетик, использованный накануне Колин.

Еще не до конца проснувшись, она оперлась на подоконник и выглянула в окно, чтобы полюбоваться городом, застеленным белоснежным покрывалом. Француженка испытывала легкую грусть – к концу недели она попрощается с Манхэттенем. Нелегко было принять такое решение, но надо смотреть правде в глаза: как бы Жюльет ни любила Нью-Йорк, город не отвечал ей взаимностью. Ни одна ее мечта здесь так и не исполнилась.

После лица она поступила на подготовительный курс по литературе, потом училась в Сорбонне, участвуя в театральных кружках при университете. Потом ее приняли в школу Флоран¹, где Жюльет считалась одной из самых талантливых учениц и подавала большие надежды. Параллельно она участвовала в ряде кастингов, и ее два или три раза пригласили сняться в рекламе, она даже мелькала в каких-то телесериалах на вторых ролях. Но все ее усилия оставались тщетны. Ее не замечали. Со временем она пересмотрела свои запросы и согласилась участвовать в театральных представлениях в супермаркетах, на частных вечеринках, в мини-постановках на корпоративных праздниках по случаю юбилея начальника и тому подобное. Она даже работала в парижском Диснейленде Винни-Пухом. Казалось, это конец ее карьеры, но она не опустила руки. Решив взять быка за рога, она оформила рабочую визу и отправилась за океан по программе *au pair*². Мечтая о подмостках Бродвея, она обосновалась в Большом Яблоке, соглашаясь на любую работу, лишь бы заработать на жизнь и оплатить проживание. Недаром же говорят: кто нашел свое место в Нью-Йорке, тот найдет его где угодно!

---

¹ Флоран (Florent, *фр.*) – французская театральная школа, созданная в 1967 году парижским театралом Франсуа Флораном. Продолжительность курса профессиональной подготовки – три года.

² Дословный перевод – «обоюдный» (*фр.*). Программа, которая позволяет молодым людям приезжать в чужую для них страну и жить в принимающей их семье в обмен на оказание каких-либо услуг (обычно речь о воспитании детей).

Первый год она подрабатывала няней, попутно совершенствуя английский, и посещала курсы театрального мастерства. Но чаще всего ей предлагали только роли в экспериментальных театрах, которые ютились в крохотных залах на чердаках или ставили пьесы в местном приходе.

Чтобы заработать себе на жизнь, позже она освоила и другие профессии: кассир на полставки в магазине самообслуживания, горничная в третьеразрядной гостинице в захолустном районе Амстердам-авеню, официантка в маленьком кафетерии.

Месяц назад она приняла окончательное решение вернуться во Францию. Дело в том, что ее подруга Колин собиралась переехать жить к своему парню, а у Жюльет не было ни сил, ни желания подыскивать себе новую соседку. Настало время признать свое поражение. Она решила сыграть в рискованную игру и проиграла. Какое-то время ей казалось, что она хитрее остальных и что она сумеет выкарабкаться из болота повседневной суеты и рутинных обязанностей. Но сегодня она чувствовала себя совершенно разбитой – без ориентира и опоры в жизни. Кроме всего прочего, ее накопления подошли к концу, а рабочая виза давно уже закончилась, и она находилась в стране нелегально.

Ее обратный рейс в Париж был намечен на послезавтра, если с погодой все будет нормально.

«Ладно, милая моя! Прекрати жаловаться на судьбу!»

Сделав над собой усилие, Жюльет оторвалась от окна и поплелась в ванную. Скинув плед и раздевшись, она зашла в душевую кабинку.

– А-а-а-а! – завопила она, почувствовав на коже струю ледяной воды.

Колин встала первая и успела принять горячий душ, а новая порция воды еще не нагрелась.

«Не очень-то благородно с ее стороны», – подумала Жюльет.

Конечно, принимать ледяной душ в такую погоду – настоящая пытка, но девушка не держала зла на подругу, напротив, Жюльет тут же придумала для нее оправдание: Колин блестяще закончила обучение в юридической школе, и сегодня у нее собеседование насчет работы в престижной адвокатской конторе.

Жюльет ни в коей мере не страдала нарциссизмом, но тем утром она задержалась перед зеркалом дольше обычного, разглядывая свое отражение. С каждым днем она все чаще мучилась вопросом: «Я выгляжу так же молодо, как и прежде?»

Ей недавно исполнилось двадцать восемь. Конечно, она была молода, но глупо было спорить: молодость – уже не та, что в двадцать лет.

Досушивая волосы феном, она приблизила лицо к зеркалу и заметила мелкие морщинки в уголках глаз.

Профессия артиста требует многого от мужчины, ну а женщинам приходится еще труднее: им не прощают несовершенства. Считается, что признаки возраста добавляют мужчине обаяния и подчеркивают характер, но женщине стареть нельзя. Жюльет это всегда злило.

Она отступила от зеркала. Ее грудь еще красива, но так ли она высока и упруга, как два года назад?

«Нет, это ты придумываешь».

Жюльет раньше и мысли не допускала, чтобы согласиться на «пластику»: сделать губы более чувственными с помощью ботокса, убрать морщины со лба уколом коллагена, приподнять скулы, сделать ямочки на щеках или купить себе новую грудь... Пусть ее считали слишком наивной, но она принципиально хотела оставаться такой, какой была на самом деле: естественной, мечтательной, чувствительной.

Ее главная беда заключалась в другом: она потеряла всякую уверенность в себе. Ей постепенно приходилось расставаться с мечтами юности: карьерой театральной актрисы и настоящей любовью. Всего три года тому назад ей казалось, что все еще впереди: она станет знаменитой, как Джулия Робертс или Жюльет Бинош. Но мало-помалу ежедневные заботы замучили

ее. Все заработанные деньги уходили на оплату жилья. Она давно уже не покупала себе новых платьев, а питалась в основном равиоли или макаронами.

Она так и не стала ни Джулией Робертс, ни Жюльет Бинош. Она всего лишь разносила капучино в кафе и получала за это пять долларов в час. А так как этого не хватало, чтобы платить за квартиру, ей приходилось выходить на работу и в выходные.

Она продолжала рассматривать себя в зеркале, задаваясь вопросом: «Способна ли я еще соблазнить кого-нибудь? Могу ли я пробуждать желание?»

«Без сомнения», – отвечала она себе, но надолго ли это?

Глядя в глаза своему отражению, она вынесла суровый приговор:

– Не за горами день, когда тебе вослед не обернется ни один мужчина...

«А теперь давай одевайся скорее, если не хочешь совсем опоздать».

Она натянула колготки и две пары носков. Потом – черные джинсы, полосатую рубашку, а поверх нее – свитер из толстой пряжи и теплый шерстяной кардиган.

Ее взгляд скользнул по циферблату, и она ужаснулась – времени было уже много. Лучше поторопиться: ее шеф не отличался добродушием, и, хоть это и был ее последний рабочий день, плохая погода не повод для опоздания.

Прихватив с вешалки вязаную шапочку и разноцветный шарф, она натягивала их уже на лестнице. Закрывая за собой дверь, она сделала все, чтобы случайно не лишить любопытного кота головы, так как неосмотрительный Жан-Камиль уже готов был выскочить наружу, чтобы изучить выросшие за ночь сугробы.

Стоило Жюльет выйти на улицу, как у нее перехватило дыхание от ледяного ветра. Она никогда раньше не видела Нью-Йорк таким спокойным.

За несколько часов ночного снегопада Манхэттен превратился в гигантский ледяной каток. Снег не только придал улицам мегаполиса призрачный вид, но и сделал передвижение очень опасным. На тротуарах и около пешеходных переходов скопились сугробы. Улицы, обычно шумные и оживленные, теперь опустели. Не побоялись выехать в непогоду только редкие желтые такси и мощные джипы. Прохожих было еще меньше. Некоторые передвигались на лыжах.

Жюльет ощутила знакомый с детства запах морозного утра, запрокинула голову и поймала ртом снежинку. При этом она едва не упала и раскинула руки, чтобы удержаться на ногах. К счастью, метро тут недалеко, нужно только быть осторожной и стараться не поско... Поздно! Она не успела даже подумать об осторожности, как плюхнулась прямо в свежий снег.

Два студента прошли мимо, не удосужившись помочь ей, и только зло расхохотались. Жюльет стало обидно до слез, она почувствовала себя униженной.

День определенно не задался.

–2–

*Но, разлученные, мы с нею слиты все же:
Она во мне жива, а я почти мертвец³.*

В. Гюго

В нескольких километрах к югу на полупустой стоянке около кладбища в Бруклин Хилл парковался дорогой джип. На лобовом стекле машины виднелась пластиковая карточка, по которой можно было определить имя и профессию водителя этого внедорожника:

Доктор Сэм Гэллоуэй
Госпиталь Святого Матфея
Нью-Йорк

До входа на кладбище было недалеко. Высокому и крепкому человеку за рулем на вид было лет тридцать, не больше. Элегантное теплое пальто и сшитый на заказ костюм придавали ему солидности, но его глаза – голубой и зеленый – были печальны.

Морозный воздух был пронзительно свеж. Сэм Гэллоуэй завязал шарф и подышал на руки, чтобы согреть их. Он вышел из машины и направился в сторону к центральным воротам кладбища. В этот ранний час вход был еще закрыт для посетителей, но в прошлом году Сэм сделал крупное пожертвование на уход за территорией и могилами, поэтому у него был собственный ключ от калитки.

Вот уже год он приходил сюда регулярно, раз в неделю, всегда ранним утром, перед тем как отправиться на работу в больницу. Этот ритуал вошел у него в привычку, стал чем-то вроде легкого наркотика.

«Единственный шанс немного побыть рядом с ней...»

Сэм открыл своим ключом маленькую кованую калитку, которой обычно пользовался садовник, и машинально включил систему освещения. Ноги сами несли его по аллеям в нужном направлении.

Кладбище напоминало городской парк в природном стиле, раскинувшийся на холмистой местности. В летнее время люди приходили сюда полюбоваться разнообразной растительностью и отдохнуть от жары в тенистых аллеях. Но в этот день ни пение птиц, ни шорох листвы не нарушали гробовую тишину и покой этой местности – только снежинки беззвучно падали с неба.

Пройдя три сотни метров, Сэм остановился у могилы жены. Снег полностью запорошил розовый гранит надгробия. Рукавом пальто Сэм расчистил верхнюю часть камня, где показалась надпись:

*Федерика Гэллоуэй
(1974–2004)
Покойся с миром*

Ниже – черно-белая фотография женщины тридцати лет, с темными волосами, собранными в пучок на затылке. Невозможно было поймать ее взгляд – задумчиво вглядывающейся куда-то вдаль, мимо объектива. Неуловимый взгляд.

– Здравствуй, – сказал он тихо. – Сегодня прохладно, правда?

Вот уже год, как Федерика умерла, а Сэм продолжал разговаривать с ней как с живой.

По правде говоря, Сэм не был верующим человеком. Он не верил ни в Бога, ни в загробный мир. Он вообще ни во что не верил, за исключением медицины, разумеется. Он был

---

³ В. Гюго. «Спящий Вооз», стихотворение из сборника «Легенда веков». Перевод Н. Рыковой.

замечательным педиатром и, как говорили все, кто его знал, обладал удивительным чувством сострадания к своим маленьким пациентам. Он был молод, но уже успел опубликовать в медицинских журналах несколько интересных статей. Не так давно он закончил ординатуру и получил уже несколько предложений из престижных клиник.

Сэм специализировался в детской психиатрии, особенно в той области, которую принято теперь называть «сопротивляемость», в основе которой лежал принцип: даже подкошенный трагедией человек способен встать на ноги и не поддаться горю. Отчасти его работа заключалась в том, чтобы помогать детям справиться с тяжелыми психическими травмами: болезнью, насилием, потерей близких...

Он был хорошим врачом и умел помочь своим пациентам справиться с мучительным недугом. Но, похоже, самому себе Сэм помочь был не в силах. Вот уже год, как умерла жена, а он так и жил, раздавленный горем из-за утраты близкого человека.

У них с Федерикой были сложные отношения. Они познакомились еще в детстве, когда вместе ходили в школу в Бедфорд-Стьювесент, опасном квартале Бруклина, известным многочисленными продавцами кокаина и высоким уровнем преступности.

Родители Федерики были родом из Колумбии. В свое время они сбежали из Медельина, не подозревая, что променяли один ад на другой. Не прошло и года после их переезда в Америку, как ее отец погиб от случайной пули во время перестрелки на улице между двумя соперничающими бандитскими кланами. Федерика осталась с матерью, которая часто болела, употребляла наркотики и потихоньку спивалась.

В детстве она ходила в обветшалую школу, которая высилась среди нечистот и проржавевших каркасов старых автомобилей. Воздух был невыносим, атмосфера – накалена бесконечными разборками, на каждом углу поджидал дилер с дозами на развес.

Когда Федерике было одиннадцать, она, переодевшись мальчишкой, сама уже продавала крэк на углу грязной Бушвик-авеню. Просто потому что дело было в Бруклине середины восьмидесятых и потому что это был единственный способ раздобыть наркотики для мамы, которая к тому времени уже не могла без них обойтись. Кстати, именно она и научила дочь главному правилу наркоторговца: никогда не протягивать пакетик с наркотой покупателю, пока он не отдаст за него деньги.

В колледже она встретила двух парней, непохожих на других ее знакомых. Сэм Гэллоуэй и Шейк Пауэлл были немного младше ее. Сэм всегда ходил с какой-нибудь книгой под мышкой, он был самым умным в классе. Ко всему прочему там он был единственным «белым», из-за чего остальные, в большинстве своем афроамериканцы, относились к нему враждебно.

Шейк, от природы крепкий и сильный малый, уже в тринадцать он выглядел таким же крупным и мускулистым, как большинство взрослых в этом квартале. Но под личиной плохого парня он скрывал доброе сердце.

Они сдружились и объединили свои силы, чтобы выжить посреди всего этого безумия. Эти трое удивительным образом дополняли друг друга: их дружба основывалась на готовности прийти на помощь в любой момент. Каждый находил равновесие в этой жизни благодаря двум другим. Колумбийка, белый и черный: сердце, разум и сила.

Взрослея, они старались держаться в стороне от всех местных разборок. Они не раз видели, как наркотики ломали жизни их знакомых, и поэтому ни у одного из них не было желания к ним прикасаться.

Сэм и Федерика и мечтать не могли о том, что когда-нибудь им удастся вырваться из этой дыры. Там, где они росли, человеческая жизнь всегда висела на волоске. Жить в этом районе было опасно: здесь в любой момент можно было погибнуть, поэтому бессмысленно было строить планы на будущее. У них не было настоящих идей насчет взрослой жизни, просто потому что их не было ни у кого.

Но вопреки ожиданиям и по чистой случайности им обоим удалось выбиться в люди. Сэм стал врачом, а потом просто женился на подруге детства.

Снег все ложился на кладбище тяжелыми и крупными хлопьями. Сэм не мог оторвать взгляда от фотографии жены. Федерика закрепила волосы на затылке длинной кистью для рисования и надела простой фартук: она носила его всегда, когда писала картины. Этот снимок когда-то сделал Сэм, поэтому он был немного расплывчатым. Ничего удивительного: Федерика не любила фотографироваться.

В больнице никто не знал о прошлом Сэма, а сам он никогда о нем не рассказывал. Когда еще была жива Федерика, они редко возвращались в тот мир, который оба покинули. Его жена была малообщительной. Она хотела отгородиться от мрачных воспоминаний и страхов своего детства и при помощи живописи создала свой мир, закрытый ото всех. Федерика так долго строила стену между собой и остальными людьми, что даже когда школа в Бэд-Стади с ее кошмарами осталась позади, она не ослабила защиту. Сэм считал, что с течением времени она должна «выздороветь», как выздоравливали после душевных потрясений многие из его пациентов. Но события развивались иначе. За несколько месяцев до смерти Федерика все чаще стала погружаться в свой мир – мир живописи и безмолвия.

Они с Сэмом все больше отдалялись друг от друга.

Вернувшись домой с работы в тот роковой вечер, он обнаружил, что его жена решила покинуть мир, который стал для нее невыносим.

С тех пор Сэм словно окаменел. До этого страшного момента он никогда не замечал, что Федерика собирается свести счеты с жизнью. Он вспоминал, что даже в последние дни она выглядела скорее умиротворенной, чем возбужденной или нервной. Теперь-то он понимал, что она вела себя так потому, что уже приняла решение, смирилась с таким исходом и воспринимала его как своего рода избавление.

Как врач-психиатр он восстановил в памяти все стадии изменения ее душевного состояния: отчаяние, стыд, бунт... До сих пор и дня не проходило, чтобы он не задавал себе вопросов: «Что я мог сделать? Чего я не сделал, чтобы помочь ей?»

Чувство вины, измучившее его душу, мешало ему обрести покой. И речи не было о том, чтобы «начать жизнь с чистого листа». Он продолжал носить обручальное кольцо, работал как проклятый, часто оставался в больнице на ночные дежурства.

Иногда его охватывал гнев: он злился на Федерику за то, что она ушла, не оставив ему ничего – ни объяснения, ни прощального слова. Он так и не поймет до конца своих дней, что именно заставило ее принять в одиночку такое решение. Но уже ничего не изменить. На некоторые вопросы никогда не найти ответа. Ему следовало с этим смириться.

Конечно, в глубине души он понимал, что его жена так никогда и не оправилась от переживаний своего детства. Она продолжала жить воспоминаниями о Бэд-Стади, насилии, страхе и осколках ампул с крэком.

Некоторые раны так и не затягиваются со временем, как их ни лечи. Пора бы ему это признать, хотя сам он ежедневно убеждал своих пациентов в обратном.

В глубине кладбищенского парка старое дерево скрипело под тяжестью снега, скопившегося на его кривистых ветвях.

Сэм закурил сигарету и, как обычно, стал рассказывать жене самое интересное из того, что случилось за последнюю неделю.

Но вдруг он замолчал – на него нахлынули воспоминания, он почувствовал, что Федерика рядом. Ледяной ветер дул в лицо, снежный вихрь забирался за шиворот, снежинки путались в

его волосах и таяли на небритых щеках, но он не обращал на это внимания. Ему было хорошо. Рядом с ней.

Иногда после бессонных часов ночного дежурства Сэма охватывало странное чувство, почти галлюцинация: ему казалось, что он слышит голос Федерики, будто стоит ему обернуться, как ее силуэт мелькнет где-то в глубине больничного коридора. Умом он понимал, что это всего лишь результат усталости, что такого не может быть, но он не старался прогнать от себя эти видения, он к ним привык.

Ветер дул все настойчивее и злее. Сэм решил, что пора возвращаться к машине, но, пройдя полпути, он вдруг повернул назад.

– Знаешь, я давно уже хотел рассказать тебе кое-что, Федерика...

Его голос дрогнул.

– Я никогда раньше тебе не признавался... Я вообще ни с кем об этом не говорил...

Сэм замолчал, как будто не был уверен в том, что следует продолжать признание.

Разве обязательно все рассказывать тому или той, кого любишь? Он сомневался, но тем не менее продолжил:

– Я не говорил тебе об этом просто потому, что если ты в самом деле там, наверху, то ты и так все знаешь.

В то утро он как никогда раньше чувствовал присутствие своей жены. Возможно, все дело в сказочном и нереальном пейзаже. Все кругом было покрыто чистым белым снегом, и ему казалось, что он сам словно на облаке.

Он говорил долго-долго, не останавливаясь, но и не торопясь, подробно рассказывая о том, что терзало его сердце все последние годы.

Это не было ни признание в измене, ни напоминание об их старых проблемах, ни жалоба на денежные затруднения. Это – *другое*. Гораздо более серьезное.

Закончив рассказ, он почувствовал себя изможденным, точнее – опустошенным.

Прежде чем уйти, он тихо сказал:

– Я только надеюсь, что ты все еще меня любишь...

–3–

Спаси кому-нибудь жизнь все равно, что влюбиться; это лучше любого наркотика. Потом ходишь по улицам и видишь, что все преобразилось. Кажется, что обрел бессмертие, как будто спас жизнь самому себе.

Отрывок из диалога из фильма Мартина Скорсезе «Воскрешая мертвецов»

Больница Святого Матфея

17:15

Каждый вечер Сэм совершал обход своих пациентов, оставляя напоследок одни и те же две палаты. К этим больным он всегда заходил в последнюю очередь, то ли потому, что очень давно их наблюдал, то ли потому, что считал их членами своей семьи, хотя ни за что не признался бы в этом даже самому себе.

Он осторожно открыл дверь палаты 403 в отделении детской онкологии.

– Здравствуй, Анжела.

– Здравствуйте, доктор Гэллоуэй.

Девочка-подросток четырнадцати лет, худенькая, почти прозрачная, сидела на единственной в палате кровати. На ее коленях был кислотного цвета ноутбук.

– Ну, что у нас новенького?

Анжела рассказала ему о сегодняшнем дне, изложив события в привычной для нее иронической манере. Это ее защитная реакция на болезнь. Ей не нравилось сочувствие, и она запрещала себя жалеть. Настоящей семьи у нее никогда не было. Мать оставила ее в приюте для новорожденных в маленьком городке в штате Нью-Джерси. С детства она была своенравна и замкнута. Она побывала в нескольких приемных семьях, и Сэму понадобилось много сил и времени, чтобы завоевать ее доверие. Она провела в больнице уже много времени, и доктор иногда доверял ей провести беседу с более юными пациентами накануне их операции или сложного курса химиотерапии, чтобы им было спокойнее.

Каждый раз, когда Анжела улыбалась Сэму, он со страхом ловил себя на мысли: в этот момент рак истребляет одну за другой клетки ее крови.

Девочка страдала тяжелой формой лейкемии. Ей дважды уже пересаживали костный мозг, но каждый раз организм отторгал чужеродную ткань.

– Что ты решила по поводу того, о чем мы с тобой говорили?

– Вы об очередной операции?

– Да.

Ее болезнь уже перешла в ту стадию, когда без новой пересадки костного мозга метастазы будут распространяться по всему организму. Сначала возникнут в печени, потом обнаружатся в селезенке, и в конце концов Анжела умрет.

– Я не знаю, доктор, хватит ли у меня сил. Опять курс химиотерапии?

– Да. К сожалению. И придется на время перевести тебя в стерильную палату.

Некоторые коллеги считали, что Сэм напрасно упорствует, что лучше было бы оставить девочку в покое, не мучить ее и дать возможность провести остаток дней на обезболивающих. Ее организм настолько ослаб от болезни, что вероятность удачного исхода составляла не более пяти процентов. Но молодой врач слишком привязался к Анжеле: он не допускал и мысли о том, чтобы потерять ее.

«Даже если у нее останется один шанс из миллиона на выздоровление, я попытаюсь ей помочь», – думал он про себя.

– Мне нужно еще подумать, доктор.

– Ну, разумеется. Обдумай все еще раз, прежде чем принять решение. Все зависит только от тебя.

Ее не надо было торопить. У Анжелы отважное сердце, но не железное.

Сэм посмотрел журнал врачебных назначений, чтобы удостовериться – лечение идет по плану, расписался и собрался уже уходить, как она окликнула его:

– Подождите, доктор!

– Да?

Девочка открыла файл на экране компьютера и кликнула на значок «Печать». Из принтера выполз странный рисунок. Когда-то Сэм посоветовал ей заняться каким-либо творчеством, чтобы дистанцироваться от болезни. Анжела выбрала рисование. Она увлеклась, и эти занятия помогали ей отвлечься и преодолеть невыносимую тоску больничной жизни.

Она смерила свою работу внимательным взглядом и смело протянула рисунок Сэму.

– Держите. Я нарисовала это для вас.

Он с удивлением рассматривал рисунок. Вихри пурпурного и золотистого цвета заполняли почти все пространство на белом листе, что напомнило ему картины, которые когда-то рисовала Федерика. Впервые с тех пор, как Анжела стала рисовать, она изобразила не предметы, а некую абстракцию. Он хотел спросить, что это означает, но вовремя спохватился, вспомнив, что его жена не любила, когда ей задавали подобный вопрос.

– Спасибо. Я повешу его в своем кабинете.

Он сложил листок бумаги и положил его в карман своего белого халата. Сэм знал, что девочка не любит, когда ее хвалят, поэтому не стал говорить комплиментов. Он просто сказал:

– Постарайся выспаться. – И направился к двери.

– Мне конец? Да?

Он резко остановился на пороге и обернулся. Анжела повторила вопрос:

– Если мне не сделают опять эту чертову пересадку, мне конец?

Он медленно вернулся к ней и присел на краешек кровати. Она смотрела на него, и в ее глазах он увидел одновременно дерзкий вызов и страх перед неизбежным. Он знал, что за напускной бравадой кроется тоска.

– Да. Без операции есть риск, что ты умрешь. – Через несколько секунд он добавил: – Но этого не произойдет.

И еще:

– Я тебе обещаю.

Пятая авеню, кафе «Старбакс»

16:59

– Большую порцию капучино и маффин с черникой, пожалуйста.

– Минуту.

Пока готовился заказ, Жюльет через окно смотрела, что творится на улице: хотя ближе к полудню снегопад все-таки прекратился, но в городе по-прежнему было холодно и ветрено.

– Пожалуйста, вот ваш заказ.

– Спасибо.

Она бросила взгляд на часы, висевшие на стене в кафетерии: еще одна минута с небольшим, и ее смена закончится.

– Эспрессо-макиатто и бутылочку воды «Эвиан».

– Минуту.

Последний клиент. Последняя рабочая смена. И через пару дней – прощай, Нью-Йорк.

Она протянула напитки девушке, начинающей бизнес-леди, судя по всему. Та взяла поднос и направилась к столику, даже не поблагодарив.

Когда Жюльет встречала подобных в кафе или на улицах, она смотрела на них с любопытством и небольшой завистью. Ну куда ей соперничать с такими утонченными и изящными женщинами, которые будто сошли с обложки журнала мод и знают все на свете?

«У них есть все, чего нет у меня, – думала она. – Безупречные, спортивные, уверенные в себе... Они знают себе цену, полны решимости, они умеют вести игру...»

А самое главное – они финансово независимы. Иначе говоря, у них есть хорошая работа и, естественно, приличный доход.

Она переоделась, сняла униформу официантки и вернулась в зал. Ей было немного грустно оттого, что никто из подружек не пожелал ей *good luck*⁴ перед расставанием.

Она сделала знак рукой в сторону кассы, чтобы ее обслужили, но никто не обратил на нее внимания. Ей опять показалось, что она невидимка.

Она встала и пошла к выходу через длинный зал в последний раз. Она уже взялась за ручку двери, чтобы уйти, как вдруг чей-то голос окликнул ее по-французски:

– Мадмуазель!

Жюльет подняла взгляд на мужчину с аккуратной бородкой, который занял столик у окна, недалеко от входа. Этот человек не был молод, и все выдавало в нем властную натуру. Широкие плечи и крепкий торс придавали ему солидности, так что вся мебель в кафе казалась рядом с ним просто игрушечной. Жюльет узнала его. Этот клиент заходил сюда время от времени, как правило, поздним вечером. Несколько раз, когда главного менеджера не было на месте, она позволяла ему привести с собой в зал собаку, крупного черного дога, откликавшегося на странную кличку Кюжо.

– Я специально пришел, чтобы попрощаться с вами, Жюльет. Кажется, вы собираетесь вернуться во Францию.

– Откуда вы знаете?

– Слышал... – ушел он от ответа.

Этот мужчина вызывал у нее доверие и в то же время немного пугал ее. Странное чувство.

– Я позволил себе заказать вам горячего сидра, – сказал он, кивком головы указав на кружку на столике.

Жюльет застыла в нерешительности, так как никогда раньше не разговаривала подолгу с этим человеком, а он вел себя так, как будто хорошо ее знал. Девушка чувствовала себя перед ним как открытая книга.

– Ну, присядьте на пару минут, – настаивал он.

Она колебалась, но все-таки осмелилась взглянуть ему в глаза. В них не было ни злого умысла, ни заигрывания – только безграничная усталость и душевная теплота. А еще отблеск какого-то внутреннего огня.

В конце концов она решилась присесть за столик напротив него, на самый краешек стула, и отпила глоток сидра.

Мужчина знал, что характер у молодой француженки легкий и жизнерадостный, но под этой маской она скрывает хрупкую и ранимую душу.

Ему бы не хотелось тревожить ее понапрасну, но у него было мало времени. Его жизнь была сложной. Его дни были перенасыщены разными заботами, и его обязанности не всегда доставляли ему удовольствие. Поэтому он сразу приступил к делу.

– Что бы вы там ни думали по этому поводу, но вашу жизнь нельзя считать неудавшейся.

– Почему вы мне это говорите?

– Потому что каждое утро перед зеркалом вы пытаетесь себя в этом убедить.

Жюльет была в шоке. Откуда он знает? Ей захотелось встать и уйти.

– Почему вы думаете, что...

---

⁴ Удачи (англ.).

Но мужчина не дал ей закончить.

– Этот город очень жесток, – продолжил он свою мысль.

– Да, это правда, – согласилась Жюльет. – Каждый хочет забраться в свой уголок, никому нет дела до соседа. Тут столько людей, что всем тесно в этом городе, но каждый одинок.

– Именно так, – развел руками мужчина. – Мир такой, какой он есть, и вовсе не такой, каким нам бы хотелось его видеть: полным добра и справедливости, где с хорошими людьми происходят хорошие вещи...

Мужчина немного помолчал.

– Но вы, Жюльет, вы хороший человек: однажды я видел, как вы принесли еду бедному человеку, который не мог заплатить за себя, прекрасно зная, что сумма будет удержана из вашего жалованья...

– В этом нет ничего особенного, – возразила девушка, пожав плечами.

– Да, ничего особенного на первый взгляд, но это дорогого стоит. Ничто никогда не проходит бесследно, правда, мы не всегда можем оценить последствия наших поступков.

– Зачем вы все это мне говорите?

– Чтобы вы смогли подумать об этом до вылета.

– До возвращения во Францию?

– Берегите себя, Жюльет, – сказал он вместо ответа, поднимаясь из-за стола.

– Подождите! – вскрикнула девушка.

Жюльет не знала, почему ей вдруг так понадобилось его задержать. Она бросилась за ним вслед, но мужчина уже закрывал за собой дверь.

Около входа на полу оставалась лужица от снега, который нанесли посетители, и в третий раз за сегодняшний день она поскользнулась. Пытаясь удержаться на ногах, она невольно уцепилась за рукав какого-то прохожего, который с подносом в руках искал свободный столик. Оба шлепнулись на пол, опрокинув на себя горячий капучино.

«Ну вот! Со мной всегда так! Какая ж ты неуклюжая! А еще хочешь быть такой же элегантной, как Одри Хепберн, и вот – опять лицом в грязь».

Красная от стыда, она вскочила на ноги и, бесконечно извиняясь, помогла подняться и мужчине, который грозился засудить ее, – и заторопилась к выходу.

Снег перестал, и на улицах Манхэттена уже бурлила обычная жизнь. Люди сновали туда-сюда по своим делам, шумели машины. Как раз перед витриной кафе шум снегоуборочного агрегата смешивался с общим хором автомобильных моторов. Жюльет надела очки, посмотрела налево и направо.

Но незнакомец исчез.

* * *

Больничным лифтом Сэм вез Сэма на четыре этажа выше, к палате 808.

– Добрый вечер, Леонард.

– Добрый вечер, доктор.

Последний, к кому он зашел этим вечером, по сути, не был его пациентом. Леонард Маккуин считался одним из старейшин в больнице Святого Матфея. Прошлым летом Сэм познакомился с ним случайно во время одного из ночных дежурств. Старик Маккуин страдал бессонницей и решил выкурить сигарету на крыше больницы, где располагалась большая терраса. Разумеется, больничные правила это категорически запрещали. К тому же у него был рак легких в последней стадии. Сэм, конечно, проявил понимание и не стал ставить старика в неловкое положение, отчитывая как непослушного школьника. Он просто присел рядом, и они поболтали о том о сем, наслаждаясь ночной прохладой. С тех пор Сэм стал регулярно заходить

к нему в палату, чтобы справиться о его состоянии и просто пообщаться. Можно сказать, что между ними установились дружеские отношения.

– Как вы сегодня себя чувствуете, Леонард?

Маккуин приподнялся на постели с видимым усилием и невесело усмехнулся.

– Как вам сказать, доктор? Нигде не чувствуешь себя настолько живым, как на пороге смерти.

– Ну, Леонард, вам еще рано об этом думать.

– Не утруждайте себя, доктор. Я прекрасно понимаю, что конец уже близок.

Словно в подтверждение его слов долгий приступ кашля не позволил ему продолжать разговор – верный признак ухудшения состояния.

Сэм дождался, пока кашель утихнет, потом помог старику перебраться в инвалидное кресло на колесиках и пододвинул его к окну.

Обессиленный мучительным приступом, старик отдыхал и как загипнотизированный разглядывал город за стеклом. Больница располагалась на берегу Ист-ривер, и из окна можно было разглядеть штаб-квартиру ООН – высокое здание из мрамора, стекла и стали.

– Вы-то как, доктор? Все еще ведете холостяцкую жизнь?

«Я – вдовец, Леонард. Это не одно и то же».

– Вы и без меня знаете, что вам нужно: любовные приключения. Немного секса вам бы не повредило, я думаю, а то вы слишком степенны для своих лет. Нельзя в ваши годы ложиться спать в холодную постель. Если вы понимаете, о чем я...

Сэм не мог не улыбнуться в ответ:

– Да, уж. Как не понять!

– Я серьезно вам говорю, доктор. Вам обязательно нужен кто-нибудь рядом.

Сэм тяжело вздохнул:

– Еще рано. Воспоминания о Федерике...

Маккуин не дал ему договорить:

– При всем моем уважении к вам, я уже устал постоянно слышать от вас о Федерике. Я сам был трижды женат и могу вас заверить, что если вы хоть раз в своей жизни любили по-настоящему, то ничто не мешает вам полюбить вновь.

– Не уверен...

Старик показал рукой на город, светящийся за окном миллионом огней.

– Только не пытайтесь меня уверить, что среди миллионов женщин в Нью-Йорке нет ни одной, которую вы смогли бы полюбить так же, как вашу жену.

– Думаю, Леонард, это не так просто.

– А я думаю, что вы сами все усложняете, доктор. Мне бы ваши годы и ваше здоровье, я бы не стал тратить вечера на разговоры с таким стариком, как я, например.

– В таком случае, мне пора, Леонард.

– Послушайте, доктор. Прежде чем вы уйдете, я хочу вам отдать кое-что.

Больной пошарил в кармане пижамы и достал небольшую связку ключей на брелке. Он протянул ее доктору со словами:

– Зайдите ко мне домой в один из этих вечеров, когда вам подскажет сердце. У меня собралась неплохая коллекция бутылок с отличным вином. Глупо, конечно, но вместо того, чтобы выпить его в свое время, я все откладывал в ожидании подходящего случая.

Он немного помолчал, потом проворчал себе под нос:

– Боже! Каким же идиотом я был.

– Понимаете, Леонард, я не очень люблю...

– Слушайте, я же не предлагаю вам какую-нибудь дешевку, – обиделся старик. – В моей коллекции лучшие из лучших французских вин, любая бутылка стоит целое состояние. Это вам не какие-нибудь калифорнийские напитки или крашенная водичка из Южной Америки.

Искренне вас прошу, выпейте за мое здоровье, мне будет приятно. Обещайте мне, что вы так и сделаете.

– Хорошо, я обещаю, – ответил Сэм, грустно улыбнувшись.

Маккуин подбросил ключи в воздух, и Сэм поймал их на лету.

– Спокойной ночи, Леонард.

– Доброго вам вечера, доктор.

Уже закрыв за собой дверь, Сэм вспомнил слова старика: «Нигде не чувствуешь себя настолько живым, как на пороге смерти».

—4—

Мы предпочитаем быть не теми, кто мы есть на самом деле.
Альбер Коэн

– Колин? Ты дома?

Жюльет отперла дверь и вошла в квартиру, стараясь не выронить пластиковые коробочки с китайской едой и бутылку вина, купленные на чаевые за последнюю неделю.

– Колин, это я. Ты уже дома?

Подруга позвонила ей на работу в конце дня и рассказала, что собеседование прошло замечательно и ей уже дали положительный ответ. Девушки договорились организовать себе вечером маленький праздник, чтобы отметить событие.

– Колин, ты где?

В ответ ей раздалось мяуканье – это Жан-Камиль прибежал из другой комнаты и стал тереться о ее ноги, мурлыкая и жмурясь от удовольствия.

Жюльет положила пакеты с едой на стол, взяла кота на руки и пошла в гостиную – единственную комнату в квартире, где было более-менее тепло.

Девушка прижалась к батарее центрального отопления, включенной на максимум, и блаженно закрыла глаза. Волна тепла растеклась по всему ее телу.

«М-м... Даже лучше, чем в объятиях какого-нибудь мужчины!»

Она застыла с закрытыми глазами, мечтая об идеальном мире, где всегда есть кипяток в баке, чтобы принять горячий душ после рабочего дня.

Но разве можно требовать так много!

Открыв глаза, она заметила, что индикатор автоответчика на телефоне мигает красным. С сожалением оторвавшись от радиатора, она подошла к аппарату.

«У вас новое сообщение:

Привет, Жюльет! Прости, не смогу провести этот вечер с тобой, как мы договаривались. Ты даже не представляешь, что со мной случилось! Джимми пригласил меня провести с ним два дня на Барбадосе! Ты только подумай: Бар-ба-дос! Если не застану тебя в Нью-Йорке, то счастливого тебе возвращения во Францию!»

Жюльет так расстроилась, что чуть не расплакалась.

Вот она – дружба по-американски: три года живешь под одной крышей с человеком, и, когда приходит время расстаться, он вам оставляет всего пару слов на автоответчике!

Но если трезво смотреть на вещи – стоит ли обижаться на Колин за то, что она предпочла провести выходные со своим женихом, а не с ней?

Жюльет в задумчивости прошлась по квартире, останавливаясь то тут, то там, разглядывая фотографии и вспоминая важные моменты их совместной жизни.

Они почти одновременно очутились на Манхэттене, и у каждой была своя цель: Колин собиралась стать адвокатом, а Жюльет – актрисой. Они сами назначили себе срок для осуществления своей мечты – три года. И вот вам результат: одну только что приняли на работу в известную адвокатскую контору, а другая работает официанткой в кафе!

Благодаря своему упорству и работоспособности Колин обязательно добьется успеха, заработает кучу денег, будет одеваться в самых дорогих бутиках и станет перекладывать бумажки в уютной атмосфере рабочего кабинета на верхнем этаже какой-нибудь башни из стекла и бетона. Она станет такой, какой Жюльет сама всегда мечтала быть: решительной, стремительной, недоступной бизнес-леди. Она часто встречала таких по утрам в Парк-авеню, торопясь на работу.

Девушка вовсе не собиралась завидовать успеху своей подруги, но контраст с ее собственным фиаско был столь разителен, что у нее засосало под ложечкой.

Что с ней будет, когда она вернется во Францию? Кому там нужен ее диплом по классической литературе? Страшно себе представить, но ведь первое время ей придется жить с родителями! Она подумала об Аурелии, своей сестре. Она младше Жюльет, но уже неплохо устроилась в жизни. У нее есть диплом школьной учительницы и муж-полицейский. Его недавно перевели на работу в Лимож, и Аурелия последовала за ним. Они оба осуждали «богемную жизнь» Жюльет, считая ее легкомысленной.

Многие из ее друзей в Париже добились своего за это время. Большинство получили образование и овладели престижными профессиями, став инженерами, архитекторами, журналистами, программистами, что, по общему мнению, позволяло преуспеть и «реализовать себя»... Многие обзавелись семьями, купили в кредит дом, где на заднем дворе уже резвились один-два ребятенка, а рядом блестел шикарный «Рено Меган».

У Жюльет не было ничего: ни стабильной работы, ни возлюбленного, ни детей. Отправиться в Нью-Йорк ради того, чтобы попытаться поймать удачу за хвост и стать актрисой – безумная авантюра, она это знала с самого начала. Да и все вокруг твердили ей то же самое: это неразумно! Не такое сейчас время, чтобы рисковать. Сейчас надо рассчитывать каждый шаг, во всем проявлять осмотрительность и осторожность. Все жили по принципу «береженого Бог бережет», начинали задумываться о будущей пенсии с двадцати пяти лет, берегли здоровье, соблюдали диету, вели правильный образ жизни, клеймили позором курильщиков...

Но Жюльет никого не слушала. Она упрямо верила в свою счастливую звезду и твердо знала – придет день, когда она всех удивит. Пусть им всем станет завидно, когда на первой странице «Пари матч» они увидят ее фото на всю полосу и броский заголовок: «Юной француженке досталась главная роль в Голливуде!» Она никогда не опускала руки и изо всех сил боролась за свою мечту. Возможно, она была слишком чувствительной и ранимой, чтобы добиться успеха. Конечно, все могло бы сложиться гораздо удачнее для нее, если бы она была дочерью какой-нибудь знаменитости. Ее отца звали не Жерар Депардьё, а Жерар Бомон, и был он скромным инженером на оптическом заводе в Олнэ-су-Буа.

В глубине души она подозревала, что ей попросту не хватает таланта. Но если и она потеряет веру в себя, кто тогда в нее поверит? Многие знаменитые теперь актеры поначалу влачили дни в неизвестности, прежде чем прославиться: Том Хэнкс долгие годы играл в третьесортных театрах, работала кассиршей в супермаркете Мишель Пфайфер, Аль Пачино вообще не хотели принимать в актерскую студию, Шэрон Стоун получила свою первую главную роль, когда ей было за тридцать, а Брэд Питт в костюме цыпленка продавал сэндвичи на улице.

Мало кто мог ее понять, но самое главное заключалось в том, что Жюльет чувствовала себя по-настоящему живой только тогда, когда играла в спектакле. Неважно, что театр плох, что актеры – студенты и в зале два с половиной зрителя. Она становилась самой собой, только становясь кем-то другим. Как будто внутри нее была пустота, и она чувствовала свою жизнь, проживая чужую. Словно своей жизни ей не хватало. Каждый раз, думая об этом, Жюльет начинала бояться, что это – ненормально, что в ее постоянном поиске есть какая-то патология.

Она старалась прогнать мрачные мысли, напевая себе под нос слова из песни Азнавура «Я уже видел себя на большой афише...»⁵ Она заглянула в комнату Колин. На стуле лежала аккуратно сложенная безумно дорогая одежда, которую подруга купила специально, чтобы пойти на собеседование. Рискованное приобретение, но эти инвестиции должны были вскоре окупиться. Жюльет не смогла побороть искушение и решила примерить их. Ей бы отлично подошло все, так как они с Колин были примерно одинаковой комплекции.

⁵ Песня и одноименный альбом (1960).

Девушка стянула свои джинсы и старенький свитер и надела элегантный костюм серого цвета от Ральфа Лорана. Оценив себя в зеркале, она осталась довольна: «Неплохо!»

Черная кашемировая водолазка, твидовое пальто прямого покроя, туфли от Феррагамо. Не собираясь останавливаться на полпути, она нанесла легкий макияж: немного теней – на веки, щеточкой подкрасила ресницы, подвела брови и припудрила носик и щеки.

– Ну, свет мой, зеркальце, скажи, я ль на свете всех милее?

Девушка удивилась своему отражению в зеркале. В такой одежде она на самом деле стала похожа на бизнес-леди. Ей вспомнился фильм, в котором Дастин Хоффман сыграл свою главную роль только благодаря тому, что переоделся женщиной. Все-таки неправ был тот, кто сказал: «Нельзя судить о книге по обложке».

Войдя в роль и почувствовав уверенность в себе, она обратилась к отражению в зеркале:

– Позвольте представиться, я – Жюльет Бомон, адвокат.

Из кухни донеслось протяжное мяуканье. Это Жан-Камиль напоминал, что его пора кормить.

Жюльет, как была, в дорогом костюме, спустилась по лестнице, прошла на кухню и положила в кошачью мисочку содержимое пластиковой коробочки с китайской едой:

– Вот тебе, угощайся. Это деликатес, тебе должно понравиться: ароматная курочка с пряностями и рис по-тайски.

Кот набросился на еду, мурлыча от удовольствия. Она погладила его по голове, почесала за ушком и повторила:

– Позвольте представиться, я – Жюльет Бомон, адвокат.

Неожиданно она передумала ужинать в одиночестве, как старая дева. Не устроить ли себе маленький праздник? Может, сходить на мюзикл на Бродвее? За час до представления театры на Таймс-сквер распродавали оставшиеся билеты по умеренным ценам. Скорее всего, многие из-за снегопада отменили выход в свет. Надо попытать счастья. Сейчас как раз подходящий момент. Только что выбрать? «Призрак оперы» или «Кошки»?

Она вновь взглянула в зеркало в ванной комнате и впервые за долгое время осталась вполне собой довольна.

– Ты уж прости, Жан-Камиль, но меня ждет Нью-Йорк! – театрально воскликнула она.

Она поднялась в комнату Колин, схватила ее теплый шарф от Барберри и вышла из дома в морозную ночь, в город, засыпанный искрящимся снегом, полная решимости насладиться своими последними часами на Манхэттене...

–5–

В Нью-Йорке все чего-то ищут. Мужчины – женщин, женщины – мужчин. И иногда... находят.
Дональд Уэстлейк⁶

Сэм внимательно изучал историю болезни своего пациента, когда старшая медсестра тронула его за плечо.

– Ваше дежурство, доктор, закончилось полчаса тому назад, – напомнила она, указав на расписание.

– Мне немного осталось. Только кое-что проверю, – сказал он, словно просил об одолжении.

– Это вас надо лечить, доктор, – строго сказала она, забирая у него папку с историей болезни. – Вам пора домой.

Сэм нехотя подчинился, изобразив на лице вежливую улыбку.

Бекки грустно смотрела, как его силуэт удаляется по больничному коридору, а в это время молодая практикантка наклонилась к ней и шепнула на ушко:

– Какой он классный...

– Даже и не мечтай, дорогая. У тебя нет шансов.

– Он что, женат?

– Хуже...

Сэм толкнул дверь комнаты отдыха для врачей. Снял белый помятый халат, повесил на плечики и спрятал его в свой личный шкафчик. Поправив галстук, накинул пиджак, а сверху – теплое пальто. Уходя, он даже не взглянул на себя в зеркало: у него давно уже пропала охота нравиться женщинам, хотя он даже не подозревал, что слегка небрежный внешний вид и делает его привлекательным.

Он вызвал лифт, а когда зашел в кабинку, встретил там санитар-азиата, перевозившего на нижний этаж носилки на колесиках – на них покоилось тело, с головой укрытое белой простыней, что не оставляло сомнений по поводу состояния «здоровья» пациента. Санитар хотел было пошутить, чтобы разрядить обстановку, но, увидев мрачный взгляд доктора, отказался от этой идеи.

Двери лифта открылись, и Сэм вышел в холл на первом этаже, где размещалось приемное отделение. Народу здесь было предостаточно: больные и их сопровождающие сидели, стояли, ходили взад-вперед в ожидании врача. Было шумно, как в аэропорту, в зале прилета. Сэм не мог не заглянуть в отделение, куда привозит больных «Скорая помощь». Там тоже было полно народу.

«И скоро здесь будет гораздо хуже».

В углу комнаты какой-то пожилой господин, укутанный в старый плащ непомерных размеров, сидел, согнувшись в три погибели, держа в руках аквариум с экзотическими рыбками. Он смотрел только на них, ресницы его дрожали, по небритой щеке катилась слеза. Сэм встретился взглядом с молодой женщиной – она сидела в кресле, поджав ноги к груди и положив на колени подбородок. Она была страшно худой, ее глаза покраснели то ли от наркотиков, то ли от недосыпания. К ее ногам жался ребенок, хныча не переставая.

«Может, все-таки остаться на ночное дежурство?»

---

⁶ Американский писатель и киносценарист.

* * *

– Шесть долларов, красавица.

Жюльет заплатила таксисту-гаитянину и добавила скромные чаевые за то, что по дороге он говорил с ней по-французски.

Она вышла из «желтого кэба» на пересечении Бродвея и Седьмой авеню: на знаменитой Таймс-сквер, где жизнь кипела в любое время суток, будь то полдень или глубокая ночь.

Этот уголок Манхэттена притягивал ее как магнит. Самые знаменитые театральные подмостки города были здесь – на одном пяточке среди небоскребов.

В любую непогоду – снежная буря ли, проливной дождь или злой ветер – на Таймс-сквер сияли и переливались всеми красками огромные экраны, привлекая внимание прохожих. Театральные залы, кинотеатры и рестораны в округе втягивали, а потом выплескивали на улицу возбужденные толпы веселых нарядных посетителей.

Жюльет купила у уличного продавца горячий сэндвич и осторожно, чтобы не запачкать кетчупом свое шикарное пальто, принялась уплетать его с аппетитом. Чтобы не терять времени, она изучала программу ближайших спектаклей, размещенную на жидкокристаллическом экране ближайшего здания, решая, куда пойти. Она склонилась в пользу театра из белого мрамора, рядом с которым 31 декабря всегда собирается толпа зевак, чтобы поглазеть, как спускается огромный стеклянный шар в виде Большого Яблока – символа Нью-Йорка, знаменующая начало нового года.

Девушка намеревалась в последний раз насладиться пленительным ощущением праздника жизни, впитать в себя энергию и гламур этого города. Эх, напрасно она злилась на Нью-Йорк, обвиняя его в своих неудачах! Ведь в глубине души она обожала этот город. По характеру она была городской мышью, а не деревенской, и ни капельки не скучала по тишине, свежему воздуху, бескрайним просторам и пению птиц. Ей необходимо было вечно куда-то спешить, что-то делать, ей надо было знать, что поблизости есть круглосуточные магазины, при этом она не собиралась делать покупки по ночам – ей надо было просто знать, что это возможно.

Конечно, это все здесь казалось нереальным, будто гигантский ночной клуб посреди Манхэттена! Некоторые рекламные щиты могли показаться кричащими, музыка – оглушительной, а выхлопные газы – вездесущими. Но Жюльет только здесь и могла почувствовать пульс жизни. Пусть все вокруг спешат, не обращая на других внимания, но зато здесь не чувствуешь себя одинокой.

Все-таки, черт возьми, это и есть настоящий Нью-Йорк! И, как гласили туристические справочники, здесь «самая длинная улица в мире» – Бродвей, что растянулся на весь Манхэттен до самого Бронкса...

* * *

Вой сирены разорвал холодный ночной воздух.

Автоматические двери служебного выхода больницы Святого Матфея тяжело закрылись за спиной Сэма как раз в тот момент, когда на стоянке перед приемным покоем остановилась карета «Скорой помощи». Первым его желанием было броситься на помощь к врачам, но он заставил себя остановиться: только что доктор Фримэн, главврач отделения неотложной помощи, отказался взять его на дежурство, мол, у Сэма нездоровый вид, и он вряд ли сможет быть им полезным, пока как следует не выспится.

Сэм с самого утра не выходил на улицу и, разумеется, позабыл, что накануне ночью в городе свирепствовала снежная буря. После больничной духоты от свежего холодного воздуха у него даже закружилась голова.

Прежде чем окончательно покинуть пределы больничной территории, он краем глаза увидел, как врачи суетились вокруг каталки, на которых лежал больной, и до него донеслись обрывки фраз: «Ожог второй степени... Давление падает... Пульс шестьдесят пять...» Затем голоса за спиной стихли, Сэм сел в свою машину и завел мотор.

Положив руки на руль, он подождал, пока машина прогреется. Обычно он использовал это время для того, чтобы очистить мысли от больничных проблем и попытаться забыть о пациентах, с которыми в течение дня сталкивался по работе. Обычно ему это не удавалось.

Этот день был особенно утомительным. Он выехал на Первую авеню, повернул на север, отметив про себя, что движение на дорогах не такое плотное, как обычно.

Сэм включил радио:

«...мэр Нью-Йорка полагает, что снежная буря обойдется городу по меньшей мере в десять миллионов долларов, хотя в этом сезоне на уборку дорог уже потрачено около четырнадцати миллионов.

В настоящий момент муниципальным службам еще не удалось расчистить улицы и тротуары от снега, и дороги местами покрыты скользкой коркой льда. Поэтому мы рекомендуем всем, кто в данное время находится за рулем, соблюдать предельную осторожность...»

* * *

Жюльет чувствовала себя каплей в океане людей. Пестрая толпа уносила ее дальше по тротуару, броские вывески слепили, гомон улицы, музыка и шум автомобилей – оглушали.

От всего этого у нее разболелась голова... Она подняла глаза на дома, стены которых до десятого этажа и выше горели неоновыми огнями и жидкокристаллическими экранами: на них мельтешили прогноз погоды, биржевые курсы, отрывки из фильмов, видеоклипы – Жюльет не знала, на чем остановить взгляд. Ее толкали со всех сторон, голова кружилась от обилия впечатлений. Девушка решила перейти на другую сторону улицы, где, как ей показалось, было спокойнее. Машины проносились мимо, а она брела к спасительному тротуару, ничего вокруг не замечая...

* * *

Сэм выехал на Бродвей. Он выключил радио, поставил диск со старым добрым джазом и позволил хриплому саксофону убаюкать себя посреди суеты и стеклянных зданий. Он так расслабился, что даже зевнул, и полез во внутренний карман пиджака за сигаретой – вредная привычка, от которой он так и не смог избавиться со своей юности. Все парни из Бэд-Стади с семи-восьми лет приучались к сигаретам. Они всегда начинали с табака и заканчивали куда более вредными веществами.

На заднем стекле автомобиля, который давно уже маячил перед ним, был приклеен стикер с какими-то словами. Сэм невольно прищурился, чтобы разглядеть надпись: *If you can read this, you're too near*⁷. Когда он размышлял об этом предупреждении, рядом с ним раздался резкий гудок. Он, естественно, чертыхнулся и пожелал всего нехорошего тому, кто его так бесцеремонно обогнал. Внимательно следя за дорогой, он успевал обращать внимание и на рекламу, назойливо льющуюся с гигантских экранов на стенах домов. Один из них предлагал средство против курения. На нем топ-модель с идеальной фигурой, в шортах и боди, наглядно демон-

---

⁷ Если вы можете это прочитать, значит, вы слишком близко.

стрировала преимущества здорового образа жизни, заявляя: «Еще не поздно изменить свою жизнь!»

– Говори за себя! – раздраженно бросил он ей.

В самом деле, чего ради? Один раз он уже изменил свою жизнь, и этого достаточно. Он с вызовом затянулся сигаретой и впустил в легкие столько дыма, сколько смог, чтобы показать: ему наплевать, если придется умереть в самом расцвете лет, он не боится ни бога, ни смерти. В первого он не верил, а со второй бороться было бесполезно.

Положив зажигалку в карман, он нащупал там рисунок Анжелы. Развернув его, Сэм увидел на обратной стороне какие-то загадочные знаки, которые не заметил раньше: кружочки разной величины, треугольники и звездочки теснились в одной строке и, надо думать, что-то обозначали. Но что именно?

Поглощенный своими мыслями, Сэм в самый последний момент заметил женщину, переходившую улицу прямо перед его машиной. Боже! Тормозить было уже поздно. Он резко вывернул руль вправо, взмолился богу, в которого он не верил, и крикнул изо всех сил:

– Стой!!!

* * *

– Стой!!!

Жюльет остановилась как вкопанная посреди улицы. Машина вильнула вправо и проскочила буквально в миллиметре от нее. Девушка чудом избежала смерти под колесами, но впервые в жизни почувствовала за спиной ее леденящее дыхание.

Тяжелый джип по инерции въехал на тротуар и остановился, взвизгнув тормозами и лишь по счастливой случайности никого не задев.

– Кретин! Убийца! – в сердцах крикнула Жюльет, накинувшись на лихача, прекрасно понимая, что в произошедшем была и ее вина.

Сердце колотилось так, будто готово было выпрыгнуть из груди.

А ведь еще секунду назад мысли ее были где-то далеко. Как всегда. Определенно, этот город создан не для мечтателей. Опасности здесь подстерегают на каждом углу...

– Черт! – выругался Сэм.

На этот раз он по-настоящему испугался. Вот так, за две секунды, все в жизни могло перевернуться вверх дном. Мы все ходим по краю пропасти – он-то знал это лучше других. Хотя и жить с этой мыслью было чертовски страшно.

Он выскочил из машины, прихватив с пассажирского сиденья медицинский сундучок, который всегда держал под рукой.

– Как вы? С вами все в порядке? Я врач, я могу вас осмотреть или отвезти сейчас же в больницу.

– Все в порядке. Со мной ничего не случилось, – заверила его Жюльет.

Он подхватил ее под руку, чтобы она оперлась на него, и девушка впервые подняла на него глаза.

Секунду назад они не подозревали о существовании друг друга, а теперь стоят посреди улицы рука об руку.

– Вы уверены, что все в порядке? – повторил он, смущаясь.

– Все хорошо.

– Могу я предложить вам выпить чего-нибудь, чтобы прийти в себя?

– Нет, спасибо, – отказалась Жюльет. – Не стоит.

Сэм решительно настаивал:

– Ну пожалуйста. Я хочу загладить свою вину.

Он махнул в сторону яркого фасада отеля «Мариотт», чей футуристический силуэт вырисовывался на западной стороне Таймс-сквер.

– Я припаркуюсь на стоянке гостиницы. Это займет не больше минуты. Подождете меня в холле?

– Конечно.

Он направился к машине, но на полпути вдруг остановился и вернулся к девушке, чтобы представиться:

– Меня зовут Сэм Гэллоуэй, – сказал он. – Я врач.

Она взглянула на него, и ей почему-то захотелось ему понравиться. Жюльет открыла рот, чтобы произнести свое имя, и в тот же момент поняла, что сейчас совершит глупость, но было уже поздно:

– Очень приятно! Жюльет Бомон, я адвокат.

–6–

*Это был всего лишь взмах ресниц, она смотрела на меня, не видя.
То была весна во всей ее славе, и солнце, и нежное море...*
Альбер Коэн

Несмотря на холод и злой ветер, перед гостиницей толпились люди. Жюльет стояла в холле и разглядывала через большое окно, как по улице лавируют такси и дорогие лимузины, из которых выходили солидные мужчины в смокингах и дамы в шикарных вечерних платьях. Вскоре из лифта подземного паркинга появился Сэм.

Пятьдесят этажей из стекла и бетона обеспечили «Мариотту» звание второго по высоте отеля на Манхэттене. Жюльет раньше не приходилось даже переступить порог этой шикарной гостиницы, и теперь она с восхищением разглядывала огромный атриум, доходивший чуть ли не до сорокового этажа здания. Искусственное освещение, заливавшее здание, заставляло забыть, что зима была в разгаре.

Сэм повел ее к эскалатору, они поднялись на этаж. Прозрачная кабинка, словно космическая капсула, взмыла вверх, когда Сэм нажал кнопку сорок девятого этажа. Пронзая небоскреб насквозь, они начали головокружительное путешествие к самым верхним его этажам.

Пока они не обмолвились ни словом... У Сэма в голове вертелся один вопрос: «Зачем я пригласил эту девушку?» Разумного ответа он не находил.

– Вы приехали в Нью-Йорк по делам?

– Да, – ответила она, стараясь придать голосу уверенности. – На юридический конгресс. «Черт побери! Зачем я солгала ему, что я адвокат? Я же не умею врать».

– Вы надолго задержитесь на Манхэттене?

– Завтра вечером я возвращаюсь во Францию.

«Хорошо, что хоть это чистая правда».

На уровне тридцатого этажа она слегка наклонилась к стеклянной перегородке и посмотрела вниз. Ей показалось, что они висят в пустоте, и у нее опять закружилась голова.

«Упс... Не хватало только, чтобы меня прямо сейчас стошнило».

Лифт остановился, они вышли в вестибюль, где девушка из обслуживающего персонала взяла у них верхнюю одежду и пригласила пройти в ресторан.

В уютном зале, занимавшем почти половину этажа, через прозрачную стену напротив входа открывалась великолепная панорама на город. Им повезло, в этот час народу было немного, и они заняли столик как раз у окна, откуда могли наслаждаться видами ночного Нью-Йорка.

Свет в зале ресторана был приглушен, на небольшой эстраде под аккомпанемент рояля певица исполняла задумчивые баллады с легким джазовым акцентом на манер Дианы Кролл⁸.

Жюльет взглянула на винную карту и пришла в ужас: она и цен-то таких никогда не видела! Сэм заказал себе сухой martini, а она выбрала сложный коктейль на основе водки, с черникой и соком лайма.

Атмосфера вокруг благоприятствовала спокойному отдыху, но ей не удавалось расслабиться, настолько она была взволнована происходящим. Вдруг она почувствовала, что пейзаж за окном незаметно изменяется, ей показалось, что здание пришло в движение.

Он заметил ее испуг.

– Это ресторан вращается, – объяснил он, улыбнувшись.

– Как это?

---

⁸ Канадская джазовая певица.

– Ресторан расположен на платформе, которая вращается вокруг оси здания.
– Впечатляет, – создалась она, робко улыбнувшись в ответ.
Часы показывали три минуты восьмого.

19:08

При свете свечей она заметила признаки усталости на его лице и поняла, что глаза у него разного цвета: один – голубого, другой – зеленого. Говорят, такие бывают у тех, кто служит дьяволу...

И все-таки он был не таким уж и плохим. *Gorgeous*⁹, как сказали бы американцы.

И, кроме того, его голос, низкий, завораживающий, вселял в собеседника уверенность.

Она глубоко вздохнула: ее сердце билось чаще, чем ей бы хотелось.

19:11

Она: Вы уже бывали во Франции?

Он: Представьте себе, нет. Я – заурядный американец, который никогда не выезжал за пределы своей страны. Разве что на Гавайи, в отпуск.

Она: А вы знаете, а у нас почти в каждом доме есть водопровод.

Он: Неужели? А электричество?

Она: Скоро и за этим дело не станет.

19:12

Ему понравилась ее непринужденность. Несмотря на костюм *бизнес-леди*, она казалась простой и естественной. По-английски она говорила превосходно, но с милым акцентом. Ее лицо преображалось, когда его озаряла улыбка.

Каждый раз, при встрече с ней взглядом его как будто легко ударило током.

19:15

«Интересно, пригласил бы он меня в этот ресторан, если бы я сказала, что работаю официанткой».

19:20

Сэм заметил, что ей холодно в легкой водолазке, и накинул ей на плечи свой пиджак.

– Что вы, не надо, – запротестовала она ради приличия.

Но по ее лицу он заметил, что на самом деле ей приятно.

– Вы же потом мне его вернете, – успокоил он ее.

«И я нахожу вас чертовски привлекательной».

19:22

Разговор о мужчинах и женщинах.

Она: Да, пожалуй, вы правы. Не так уж трудно нравиться мужчинам. Достаточно иметь длинные ноги, упругую попку, плоский живот, осиную талию, соблазнительную улыбку, взгляд испуганной лани и огромную грудь...

Он смеется.

19:25

Молчание.

Она делает глоток из своего бокала.

---

⁹ Шикарный (англ.).

Он смотрит в окно. Там, пятьюдесятью этажами ниже, шумит и бурлит город. Такой далекий, такой близкий.

Он случайно замечает ее обкусанные ногти. Она тут же, чтобы спрятать их, сжимает кулачки. Он улыбается этому спонтанному жесту.

Даже если они не говорили, безмолвный диалог между ними все равно продолжался.

19:26

«Скажи ему.

Скажи ему правду. Прямо сейчас.

Скажи ему, что ты не адвокат».

19:34

Она: Какой фильм вам нравится?

Он: «Крестный отец». А вам?

Она: «Соседка» Франсуа Трюффо.

Он попробовал выговорить имя режиссера, но получилось что-то вроде «Фансуа Твуфо». Так забавно! Она даже рассмеялась.

Он: Не смейтесь надо мной.

19:35

Она: Мой любимый писатель? Мне нравится Пол Остер¹⁰.

Он (*смутившись*): Дайте подумать...

19:40

Он: Какая картина вам нравится?

Она: «Полуденный отдых от работы» Ван Гога. А вам?

Вместо ответа он протянул ей рисунок Анжелы и объяснил, почему они никогда бы не встретились, если бы не этот листок бумаги.

19:41

«Если я понравилась такому мужчине, значит, не такая уж я и дурнушка...»

19:43

Она: Ваше любимое блюдо?

Он: Хороший чизбургер.

Она (*пожав плечами*): Пф-ф ...

Он: А что вы можете предложить лучше этого?

Она: Булочка с начинкой вроде паштета из утиной печени...

19:45

«Почему сталкиваешься по жизни с тысячей людей, а влюбляешься только в одну?»

19:46

Он: А! В таком случае я знаю один ресторан, где вам понравится: там подают гамбургер с вашим любимым фуа-гра.

Она: Не может быть! Вы шутите!

---

¹⁰ Современный американский писатель.

Он: Нисколько! Это их фирменное блюдо: свежий хлеб, посыпанный тертым пармезаном, сверху – жареная котлета, потом слой фуа-гра с черным трюфелем, подается с вашим знаменитым картофелем фри.

Она: Сжальтесь! У меня уже слюнки потекли.

Он: Я дам вам адрес.

«И сам вас туда отведу».

19:51

«Похоже, он мне подходит, но вот момент совершенно не подходящий».

19:52

Он: Какое место в Нью-Йорке вам больше всего нравится?

Она: Овощной рынок на Юнион-сквер, особенно осенью, когда парк покрыт разноцветными листьями. А вам?

Он: А мне нравится здесь, именно в этот вечер, рядом с вами, посреди сияющих в ночи небоскребов...

Она (*не показав виду, что польщена*): Это только слова...

19:55

Она: Кто из пациентов в последнее время вам особенно запомнился?

Он: Пару месяцев назад нам привезли пожилую даму из Португалии, с ней случился инфаркт. Нельзя сказать, что она была моей пациенткой, это не мой профиль, но я был на дежурстве и ассистировал, когда мои коллеги оказывали ей помощь. Они применили ангиопластику, чтобы ликвидировать сужение артерии от атеросклероза, но у нее оказалось слабое сердце...

Он замолчал, вновь переживая события той операции, словно в его силах было сейчас что-то исправить.

Она: Она не перенесла операцию?

Он: Да, врачи не смогли ее спасти. Ее муж все это время находился в больнице, он провел бессонную ночь в надежде, что ей помогут. Казалось, он был раздавлен горем. Я слышал, как он все время повторял шепотом: *Estou com saudades de ti*.

Она: Что это значит? «Мне так тебя не хватает»? Да?

Он: Да, что-то вроде того. Я хотел его утешить. Я разговаривал с ним, и он мне сказал, что на его языке *saudade* означает скорбь, тоску из-за утраты близкого человека, воссоединиться с которым невозможно, потому что он уехал далеко или перестал существовать. На английском нет аналогичного слова, это не переводится. Слово обозначает такое состояние души, когда горе так велико, что отравляет существование, делает жизнь невыносимой...

Она: Что с ним потом стало?

Он: Несколько дней спустя он тоже умер. Конечно, со здоровьем у него были проблемы из-за возраста, но никто не мог объяснить, по какой причине он скончался. (*Несколько минут он помолчал, прежде чем добавить несколько слов.*) Я знаю, если человека ничто больше не удерживает в этом мире, он может сам позволить себе умереть...

20:01

Он: Расскажите о каком-нибудь процессе, который вы выиграли.

Она (*после некоторого замешательства*): Да что мы все время о работе? Это скучно...

20:02

Какое-то время они молча слушают сладкоголосую певицу. Та умело вплетает свой голос в музыкальную канву, то форсируя звук, то понижая до шепота. Она поет о любви, о разлуке, о сердечных муках, обмане, страданиях и горе потери любимого...

20:05

Она задумчиво наматывает вокруг пальца прядь волос, а он смотрит на нее, не отрывая глаз.

20:06

Она: Мне кажется или вы слушаете меня как-то рассеянно? Скажите, это декольте официантки отвлекает ваше внимание?

Он (*улыбнувшись*): Вы устраиваете мне сцену?

Она: И не мечтайте!

С этими словами она поднялась, чтобы пройти в дамскую комнату.

* * *

Оставшись один, он понял, что окончательно растерян.

Пора отсюда смыкаться, Сэм. Делай ноги, пока не поздно.

Она для него опасна. У нее лучистые, грустные глаза и нежная, искренняя улыбка. Он всегда был чувствителен к этому.

Но в данный момент он еще не готов. Конечно, в ее присутствии на какое-то время он почувствовал себя легким, всемогущим, обаятельным, счастливым. Но нет, это всего лишь иллюзия, которая возникает внезапно и так же внезапно рассеивается.

Он взглянул на часы и тяжело вздохнул. Достал из кармана пачку сигарет и положил с собой рядом на стол, чтобы успокоиться, но это не помогло, он еще сильнее занервничал. С некоторых пор курить в публичных местах в городе, даже в барах и в ресторанах, было запрещено законом. Город, «который никогда не спит», спасовал перед адептами здорового образа жизни.

Потом он вспомнил, что сказал ему на прощанье Маккуин. Почему бы, в самом деле, не решиться на «любовное приключение»? Что в этом такого! Страстный поцелуй, откровенные слова, потом все сложится само собой. Это же не преступление. Но он выбросил эту мысль из головы: чувства, которые он испытывал к этой девушке, Жюльет, не сводились исключительно к сексуальному влечению.

В этом-то и заключалась основная проблема...

Жюльет вошла в дамскую комнату и закрыла за собой дверь. Она была в панике.

«Что со мной происходит? Нельзя же, в самом деле, ни с того ни с сего влюбиться в мужчину, проведя с ним в ресторане около часа, болтая о том о сем!»

Тем более что сейчас это совершенно не ко времени: послезавтра ей улетать во Францию. К тому же она не так наивна, чтобы верить в то, что здесь называют *love at first sight*¹¹.

Что бы кто ни думал, Манхэттен – не место для романтических отношений. В Нью-Йорк приезжают не для того, чтобы заводить романы, а по делам, чаще всего – чтобы реализовать профессиональные амбиции, иногда – чтобы прославиться, и очень редко – чтобы найти родственную душу.

Положа руку на сердце, Жюльет вынуждена признать, что три года, проведенные в Америке, не останутся в памяти чередой успехов и побед. Поначалу, правда, помня об оговорен-

---

¹¹ Любовь с первого взгляда (*англ.*).

ном сроке, она пыталась вступить в серьезные отношения, но всегда чувствовала себя неловко, свидания на американский манер не пришлись ей по вкусу.

Здесь было принято знакомиться и назначать первое randevu по интернету. Часто знакомство было похоже на собеседование при приеме на работу. Разговоры вертелись вокруг работы и заработка. Все должно быть обговорено, рассчитано до мелочей, предусмотрено заранее. В этом городе, где из пяти заключенных браков распадаются четыре, верхом галантности для первого свидания считалось следующее поведение: изложить в краткой форме свое CV¹² и задать друг другу сакраментальный вопрос: «Сколько ты зарабатываешь?» От ответа зависело, стоит ли тратить свое драгоценное время на дальнейшие дискуссии.

Жюльет быстро отказалась от подобных ритуалов, больше похожих на собеседование при приеме на ответственную должность, чем на любовное свидание, и перестала играть в эти игры.

Но на этот раз все было иначе. Этот мужчина, Сэм Гэллоуэй, был не похож на других. Как только он произнес первое слово, как только она взглянула ему в глаза, она почувствовала, как внутри нее разгорелось пламя.

«Нет, моя, перестань грезить наяву! Это тебе не кино, а ты уже не девочка!»

Она старалась сохранить контроль над чувствами. И кроме того, она ведь соврала ему. А отношения, которые начинаются с такой бессовестной лжи, не могут обернуться ничем хорошим. Этот мужчина заставит ее страдать, она была в этом уверена. Лучше всего было бы не возвращаться за столик...

Девушка подняла глаза в потолок и начала проклинать свою судьбу: как раз в тот момент, когда она приняла разумное решение вернуться домой, ей встретился этот человек и опять все стало с ног на голову.

– Не нужен мне сейчас никакой мужчина! – Эти слова она произнесла вслух для пущей убедительности.

– Тем лучше, дорогуша, – ответил ей женский голос из соседней кабинки. – Твоим подружкам больше достанется!

Жюльет пожалела, что высказалась вслух, и на цыпочках вышла из туалета.

Сэм все еще был там. Какая-то невидимая сила пригвоздила его к месту. Последним усилием воли он все-таки попытался проанализировать и привести в порядок свои чувства.

«Любви с первого взгляда не существует в природе. Так не бывает. А если бывает, то этот феномен имеет исключительно физиологическую природу».

Его разум обрабатывал информацию о Жюльет: ее манера улыбаться, привычка прикусывать нижнюю губу, овал лица, тонкая талия, милый французский акцент... Как в компьютере проходит обработка полученной информации, так и в полушариях его мозга обрабатывались данные, полученные от внешних рецепторов, затем ответный сигнал был послан в соответствующие железы внутренней секреции благодаря нейромедиаторам, и гормоны поступили в кровь. Вот откуда его приподнятое настроение, ощущение легкости и состояние эйфории.

«Вот видишь, нет смысла строить далеко идущие планы из-за какой-то банальной биохимической реакции. Просто встань и уйди, пока она не вернулась».

Тем временем Жюльет незамеченной прошла по стеночке, подошла к милой девушке из входа в зал и попросила назад свое пальто. Потом отправилась в холл, откуда на лифте можно было спуститься вниз. Она приняла окончательное решение. Единственно разумное решение в этой ситуации. Дверь лифта открылась под мелодичный перезвон колокольчиков.

И тут девушку охватили сомнения...

Люди иногда интуитивно чувствуют, когда судьба готова сделать крутой поворот.

Неужели и для нее настал этот момент?

---

¹² Дословно «curriculum vitae» – «ход жизни» (лат.). Краткое описание профессиональных навыков.

– Все хорошо?

– Да, а у вас?

Он заметил, что она взяла из гардероба свое пальто.

Она обратила внимание, что он надел свой пиджак.

Он допил свой сухой martini.

Она – свой коктейль.

Она бросила последний взгляд на мелькающий огнями город внизу: словно ночной небосклон под ногами, а не над головой. У нее создалось впечатление, что она играет в одной из лирических мелодрам, в которых прославилась Мег Райан, с обязательным *happy end* в конце. Но она знала наверняка, что это – не ее случай.

Сэм также смотрел в окно, наблюдая за снежинкой, которая прилипла к стеклу, растаяла и капелькой сползала вниз. Потом он взглянул Жюльет в глаза, положил руку на ее ладонь и спросил:

– У вас есть кто-то?

– Может быть, – задумчиво ответила девушка, чтобы не произвести впечатление, что она готова так быстро сдаться. – А у вас?

– У меня никого нет.

– Но вы же меня поняли!

Сэм собирался ответить, но в это мгновение его сознание как молнией пронзило видение: он увидел лицо Федерики, развевающиеся на ветру волосы, печальные глаза, улыбку. Она шла по кромке воды, как тогда, когда они проводили отпуск в Кей Вест, три года тому назад, в один из тех кратких периодов совместной жизни, когда оба были счастливы.

Он встряхнулся и часто заморгал, чтобы прогнать видение. Потом сухим голосом сказал Жюльет:

– На самом деле... я женат.

–7–

*Любовь как лихорадка: она вспыхивает и проходит независимо от
вашей воли.*

Стендаль. «О любви»

Спускаясь на лифте, они не обменялись ни взглядом, ни словом. Они только что испытали волшебные моменты душевного подъема, но все кончилось, мираж рассеялся, пришло время ступить на грешную землю и вернуться к обычной серой повседневности.

– Могу я вас проводить? – просто так предложил Сэм, как только они вышли из отеля и ощутили промозглый холод улицы.

– Нет, спасибо, – сухо отказалась Жюльет.

– В какой гостинице вы остановились?

– Это вас не касается.

– Ну оставьте по крайней мере свой номер телефона на случай, если...

– Если что? – заносчиво спросила она, скрестив руки на груди и не дав ему договорить.

– Да, вы правы. Ничего.

Он с грустью посмотрел на нее. Ее теплое дыхание вырывалось изо рта облачком на холодный воздух. Так она была даже красивее, чем в гневе.

Он уже ругал себя за ложь. Глупо, но это единственное, что пришло ему в голову, чтобы обезопасить себя и не выглядеть непорядочным в ее глазах.

– Теперь – прощайте, – сказала Жюльет и, помолчав, добавила: – Передавайте привет супруге!

– Подождите... – Ему так хотелось ее удержать.

– Даже не просите: я не увлекаюсь женатыми мужчинами.

– Я понимаю...

– Ничего вы не понимаете. Вы просто... Вы такой же, как все!

– Вы не имеете права меня осуждать. – Он пытался оправдаться. – Вы ничего не знаете о моей жизни, вы ничего обо мне не знаете...

– ...и не горю желанием узнать.

– Ну и хорошо. Тем не менее спасибо за вечер.

– И вам спасибо. Что не задавили меня, – едко заметила она. – И впредь, прошу вас, будьте осторожнее за рулем.

«Ах, вот как!»

– Спасибо за совет.

– Чао!

– Вот именно!

Жюльет отвернулась и торопливо зашагала к ближайшему входу в метро.

Никогда не заводить роман с женатыми мужчинами – это правило ни при каких обстоятельствах нельзя нарушать. Пусть у нее в жизни нет денег, нет детей, нет настоящей профессии, нет надежного друга, но зато у нее есть принципы. И как раз за них она цеплялась каждый раз, когда наступали плохие времена, когда все катилось ко всем чертям.

Сэм опомнился и побежал вслед за ней. Он схватил ее за руку и, когда она обернулась, увидел, как по замерзшим щекам текут горячие слезы.

– Послушайте, мне очень жаль, что этот вечер так плохо кончился. Вы... вы мне очень нравитесь. Вы – замечательная женщина, и, поверьте, я в жизни не чувствовал себя так хорошо, как с вами в этот вечер.

– Уверена, что ваша жена будет счастлива узнать об этом!

Жюльет сопротивлялась, пытаясь подавить в себе разочарование и ожесточение, но, к своему удивлению, она не могла не заметить искренности в его голосе.

– Нехорошо, если мы вот так расстанемся! – в отчаянии заключил он.

– Оставьте меня! – крикнула девушка, пытаясь освободить руку.

Прохожие оборачивались на них, бросая на Сэма осуждающие взгляды. В их сторону направился полицейский, твердо решивший прекратить беспорядок.

– Все нормально! – заверил его Сэм. – Занимайтесь своим делом, мы сами разберемся.

Но в этот момент к нему подошел служащий отеля и протянул ключи от его машины. Он уже подогнал джип Сэма к выходу и ждал, когда тот уедет и освободит место у подъезда. Полицейский со своей стороны тоже приказал ему освободить дорогу и не затруднять движение. Сэм смотрел с тоской на удаляющийся силуэт девушки.

– Жюльет! – крикнул он, но она шла не оборачиваясь.

«Не отпускай ее! Не позволяй ей раствориться в толпе! Сделай что-нибудь, чтобы ее задержать! Как делают герои в кино... Что бы сделал Кэрри Грант, чтобы остановить Грейс Келли? Что бы придумал Джордж Клуни, чтобы удержать Джулию Робертс?»

Черт! Ничего не приходило в голову! В отчаянии он сунул служащему двадцать долларов чаевых и перед носом у полицейского развернул автомобиль на сто восемьдесят градусов, чтобы догнать девушку. Опасно лавируя между машинами, он, наконец, поравнялся с ней, опустил боковое стекло и крикнул:

– Послушайте, единственная истина в том, что никто не знает, что будет с нами завтра...

Она продолжала свой путь и, казалось, не слышала его слов. Он все равно продолжал кричать, невзирая на ледяной ветер:

– Существует только настоящее, только ради него стоит жить. Только здесь и сейчас имеет значение.

Его слова унес снежный вихрь.

Но она, как ни странно, замедлила шаг и повернула голову в его сторону, взглянув с некоторым удивлением и любопытством.

– Ну и что же вы хотите мне предложить здесь и сейчас?

– Одну ночь и один только день. Но при двух условиях: никаких разговоров о будущем и о моей жене. Ее сейчас нет в Нью-Йорке.

– Катитесь к черту!

Обескураженный ее словами, он не стал упорствовать, вывернул на дорогу и поехал прочь.

Она смотрела, как его машина растворяется в ночи, в автомобильном потоке, сожалея, что даже не знает, где он живет.

* * *

Сэм сам все испортил и потому чувствовал себя паршиво. Несмотря на снег, который опять повалил тяжелыми хлопьями, он не поднял стекло и ждал, пока задувающий ветер не охладит его лицо и не заставит забыть о девушке, если только это возможно.

Весь путь до самого дома он не думал ни о чем, кроме дороги, стараясь вести машину как можно осторожнее, как ему и советовала Жюльет...

На углу Сорок пятой улицы и Олл-Стар-кафе Жюльет машинально подняла руку, чтобы остановить такси.

– В больницу Святого Матфея, пожалуйста, – назвала она адрес, устраиваясь поудобнее на продавленном сидении.

– *Where is it?*¹³ – спросил смуглый водитель в чалме.

Жюльет даже не удивилась тому, что некоторые водители знают город не лучше, чем туристы, прибывшие накануне вечерним рейсом.

– Поезжайте, я покажу дорогу, – сказала она.

Сэм вернулся в Гринвич-Виллидж и, к своему удивлению, обнаружил свободное место для парковки всего в сотне метров от дома, расположенного в уютном респектабельном квартале. Невысокие, похожие друг на друга трехэтажные кирпичные строения, с фасадом, выкрашенным в темно-коричневый цвет и гранитными ступенями подъезда, стояли рядом вдоль мощеной мостовой, как раз позади Вашингтон-сквер. Когда-то очень давно здесь располагались конюшни и хозяйственные постройки, но, отремонтированные, отреставрированные и превращенные в жилые апартаменты, они стали предметом зависти жителей Нью-Йорка.

Этот неброский и очаровательный дом принадлежал владельцу галереи искусств на Мерсер-стрит. Три года тому назад Сэм вылечил его сына, и в благодарность этот человек предложил ему снимать здесь квартиру за вполне умеренную плату. Сэму шикарные апартаменты казались ненужной роскошью, но в те времена он с радостью принял подарок, так как хотел разместить на верхнем этаже мастерскую для Федерики.

Он с грустью отпирал дверь холодного и мрачного жилища, как неожиданно, без предупреждения и без видимой причины, в его памяти возникло сияющее лицо молодой француженки, и все его мрачные мысли рассеялись в одно мгновение.

– Подождите, не уезжайте, я задержусь здесь ненадолго.

Такси остановилось перед центральным входом в больницу, и Жюльет решительным шагом направилась к автоматическим дверям. Действительно ли она хорошая актриса? Сейчас как раз подходящий повод это проверить. Если да, то ей удастся раздобыть домашний адрес Сэма Гэллоуэя. Мэрил Стрип в пору расцвета своего артистического таланта сделала бы это с легкостью. Конечно, Жюльет не Мэрил Стрип, но она же чуточку влюблена в доктора, а это должно помочь.

На секунду приостановившись на пороге, девушка посмотрела на часы, сделала глубокий вдох и, задержав дыхание, проникла в помещение больницы.

Направляясь к справочному окну, она старалась идти уверенно, но небыстро, держась прямо, откинув волосы назад, придав себе вид чопорный, холодный и отстраненный. Такие манеры не свойственны от рождения, если только вы не актриса.

– Я бы хотела увидеть доктора Сэма Гэллоуэя, – обратилась она к медсестре высокомерным тоном, но сохраняя натянутую любезность.

Медсестра проверила журнал, хотя и так знала, что ответить:

– Сожалею, мэм, но доктор Гэллоуэй уже закончил дежурство и уехал. Три часа назад.

– Странно. – Жюльет сделала вид, что удивилась и расстроилась. – Но у нас здесь назначена встреча. – Девушка достала из сумочки свой мобильник и наугад набрала номер.

– Его телефон не отвечает, – огорчилась она, протягивая телефон медсестре, словно призывая ее в свидетели.

Потом она порылась в сумочке, достала оттуда бумаги (это были программки спектаклей, но она не показывала медсестре обложку, чтобы та не могла их идентифицировать) и посмотрела на них рассеянным взглядом.

– Значит, этот контракт так и не будет подписан. – Жюльет постаралась изобразить огорчение на грани паники. – Что же теперь будет?

– Разве это не может подождать? – Медсестра проявила вежливое участие.

---

¹³ Где это? (англ.)

– Нет, к сожалению. Я должна положить их на стол моему начальству завтра утром, до начала рабочего дня.

– Неужели это настолько важно?

– Вы даже представить себе не можете...

Медсестра нахмурила брови – ей самой стало интересно, что же это за бумаги. Жюльет поняла, что победа почти у нее в кармане, и решила предпринять последний хитрый маневр. Она наклонилась поближе к медсестре и доверительно сообщила:

– Прежде всего позвольте представиться: Жюльет Бомон, адвокат...

Сэм разжег огонь в камине. В Нью-Йорке часто выпадает снег, но снежная буря усиливала ощущение холода. Пока воздух в помещении мало-помалу согревался. Сэм снял пальто, пиджак и взъерошил волосы.

Гостиная была самой уютной комнатой в доме, отчасти благодаря большому полукруглому окну. Предметы, расставленные в случайном порядке, как ни странно, хорошо смотрелись вместе, придавая комнате вид немного безалаберный, но милый. Древний, но действующий проигрыватель располагался по соседству с принесенным из какой-то церкви старинным пианино 30-х годов прошлого века. Рядом стоял диванчик, обтянутый потертой кожей. Впрочем, кое-что в этой комнате могло показаться странным случайному гостю: рамки на стенах были пусты. Сэм действительно снял со стен все картины Федерики и ее фотографии. От них остались только изысканной работы рамки, придававшие интерьеру феерический и необычный вид.

Сэм пробежал взглядом ряд старых виниловых пластинок, купленных однажды по случаю на Грей Маркет: Дюк Эллингтон, Билл Эванс, Оскар Петерсон... Голос Жюльет, все еще звучавший в его ушах, заставил его подобрать что-то очень нежное. Он выбрал *You Are So Beautiful To Me*¹⁴ Джо Кокера, один из его ранних альбомов.

Он поставил иглу проигрывателя на пластинку и тяжело рухнул на диван.

Закрыв глаза, Сэм почувствовал страшную усталость и понял, что в таком состоянии не сможет заснуть. В последнее время он вообще мало спал. Иногда даже не раздевался и не ложился в постель, как полагается, на холодную простыню под теплое одеяло. Во время дежурства довольствовался скрипучей кроватью в комнате отдыха для персонала в больнице, а дома впадал в забытие, растянувшись на диванчике в гостиной. С первыми лучами солнца сон пропадал, если это состояние можно было так назвать. В любом случае он никогда не чувствовал себя отдохнувшим по утрам.

Лежа с закрытыми глазами на диване, в полусне, качаясь на зыбких волнах нежной мелодии, он вновь переживал события этого вечера. Усталость мешала ему мыслить ясно. Надо ли было себя похвалить, что удалось принять разумное решение и выпутаться из западни, или следовало себя отругать за то, что все испортил? В мучительных поисках ответа на этот вопрос он вспомнил отца Хегуэя, старого священника, с которым был знаком в детстве. Он был странным человеком, совсем не похожим на обычных священнослужителей, но именно он помог некоторым парням из Бэд-Стади, среди которых был и Сэм, не попасть в водоворот преступного мира. Понимая человеческую природу, он часто повторял: «Человек не может устоять перед соблазнами, поэтому лучше их избегать».

Неожиданно голос Джо Кокера резко съехал на низкие ноты и потом прервался на полуслове, будто от слабого толчка. Сэм открыл глаза: комната погрузилась в темноту.

Он подумал – видимо, выбило пробки, но ему в голову пришла мысль, что электричество могло отключиться во всем районе. Он решил проверить, подошел к окну, отодвинул штору.

---

¹⁴ Ты так прекрасна (англ.).

Все огни на Манхэттене погасли в один миг, и окрестности освещались только фарами машин и белизной свежавыпавшего снега.

Сэм зажег несколько свечей и подложил поленьев в камин. Он даже не поленился и вышел на крыльцо, чтобы стряхнуть снег с висевшего над входом фонаря, и быстро вернулся в теплый дом.

Вдруг по потолку скользнула полоска яркого света, и тут же в комнате вновь стало темно. Сэм выглянул в окно. Снег блестел и искрился под лучом фар от желтого такси, остановившегося в конце улицы Вашингтон-Мьюз.

Из такси вышла женщина.

Нерешительно озираясь по сторонам, она пошла по улице, оставляя за собой на снегу маленькие следы, которые тут же заполнялись падавшими снежинками.

Жюльет дрожала от холода и охватившей ее тревоги. Сердце в груди колотилось как никогда. В темноте она с трудом различала силуэты домов и, уж конечно, не могла определить нумерацию в незнакомом месте. Тогда она положилась на интуицию и пошла наугад.

В нескольких метрах от нее в темном, как и все остальные, доме осторожно открылась тяжелая темно-синяя дверь, и Сэм вышел ей навстречу.

Когда он приблизился, она различила в его странных глазах разного цвета те же искорки, которые заметила там, на Бродвее, еще раньше. Они блестели в ночи как изумруды, играя бликами от искристого снега.

Опьяненная непонятными предчувствиями, она отдалась на волю providения. Она знала, что в зарождающихся отношениях между мужчиной и женщиной бывают сладостные мгновенья, которые остаются в памяти навсегда и часто вспоминаются потом как самые светлые, самые чудесные: тот дивный миг, как раз перед первым поцелуем.

* * *

Сначала их губы ищут друг друга и едва соприкасаются. Их дыхание смешивается на холоде и сливается в одно облачко. В первом поцелуе, робком, будто случайном, они постигают самое сокровенное друг в друге.

Не сдерживая себя, Жюльет всем телом прижимается к Сэму.

В то же мгновение она ощущает исходящую от него жаркую волну неистовой силы, готовую разрушить все на своем пути, и чувствует ответное притяжение, восхищение и... страх. Это чувство обжигает ее, принося мучительное, но сладостное страдание.

Сэм увлекает ее в дом и, не переставая прижимать к себе одной рукой, другой закрывает дверь на улицу.

Ее пальто падает на пол.

Она расстегивает дрожащей рукой пуговицы его рубашки и кидает ее в сторону – рубашка падает на лампу у изголовья кровати.

Он торопливо расстегивает пуговицы ее жакета, одна из них отрывается и падает на пол. «Тем хуже для портного Колин».

Она замечает шрам на его плече в виде звездочки.

Он обхватывает ее талию сильными руками, она запрокидывает голову назад, и он целует ее в нежную ямочку на шее.

Она кусает его губы, а потом нежно целует.

Она поднимает руки вверх, когда он снимает с нее водолазку.

Он расстегивает юбку – та скользит по ее ногам. Она обвивает его руками.

Комната все еще погружена в полумрак. Жюльет в темноте различает у стены письменный стол, заваленный книгами. Чтобы расчистить место, Сэм одним махом сбрасывает их на пол. Он легко отрывает ее от пола и сажает на стол. Снимает туфли, потом колготки.

Он нежно ласкает ее, пока она, торопясь, расстегивает его джинсы.

У нее горят щеки, как будто под ее кожей бежит новая кровь. Она наклоняется и нежно дотрагивается губами до его пахнувшей корицей кожи, чтобы ощутить ее бархатистость.

Они смотрят друг другу в глаза. Она берет его руки и кладет себе на грудь. Ладонями, потом языком он ласкает их, потом спускается к животу, наслаждаясь ароматом ее тела, пахнущего лавандой. Она не отрываясь смотрит на него нежным взглядом.

Он обнимает ее, она обхватывает ногами его торс. Он еще крепче прижимает ее к себе. Ей кажется, что он слишком мягок и нерешителен, словно он боится сломать ее в своих крепких объятиях.

Он ловит себя на том, что с ним такое происходит впервые. Все время, пока длятся их объятия, его чувства обострены до предела, эмоции перехлестывают через край. Он чувствует, как в бешеном ритме бьется его сердце, и слышит, как тяжело его дыхание. Он растерян, он не контролирует себя, ему кажется, что кто-то другой управляет его телом и чувствами, а он сам наблюдает за этим со стороны. Как будто он вовсе не он, ведь он никогда раньше таким не был, хотя, похоже, он только теперь и становится самим собой.

Чуть позже уже нет ни его, ни ее, ни до, ни после, ни юга, ни севера. Есть только два одиночества, прильнувших друг к другу и слившихся в едином горячем порыве. На другой планете, под чужим небом, в маленьком домике, покрытом снегом, в самом центре Манхэттена.

* * *

Растянувшись поперек постели, Сэм положил голову Жюльет на живот, а она запустила пальцы в его кудри и нежно гладила голову возлюбленного. Ей было хорошо. Ее тело и душа словно вернулись к жизни.

Оба почему-то испытывали неловкость, и говорить о чем-либо особо не хотелось. Она в двух словах рассказала, как ей удалось «выйти на его след», не открыв, впрочем, своей тайны. Он ответил, что просто счастлив, что она его нашла. Когда темы для разговоров закончились, поцелуи заменили им слова, и это было правильно.

Позже, просто из любопытства, она посмотрела, что за книги стоят в книжном шкафу, с удивлением обратила внимание на пустые рамы, развешенные по стенам. Но, вспомнив его просьбу, она не стала задавать лишних вопросов о его жене.

В два часа ночи они вдруг поняли, что очень проголодались. В холодильнике было пусто. Тогда Жюльет надела пальто и, невзирая на холод, отправилась в круглосуточный магазин, расположенный в двух шагах от дома Сэма, позади Вашингтон-сквер. Через пять минут она принесла рогалики с сырным кремом, пакет грейпфрутового сока и пакетик с конфетами.

Закутавшись в одеяло, она свернулась калачиком у его ног, и, сидя у огня, они как дети развлекались тем, что поджаривали маршмеллоу на шампурах прямо в камине. Потом она открыла сок, сделала глоток и, склонившись к Сэму, напоила его из своих губ.

Утомившись, они заснули бок о бок под завывание ветра снаружи. Издалека, сквозь метель, до них доносился еле различимый шум улиц Манхэттена: гудки, сирены, гул моторов. Им казалось сквозь сон, что они живут в осажденном городе.

* * *

В четыре утра Сэм резко открыл глаза. В дома подали электричество, и телевизор, который он забыл выключить на кухне, честно возобновил работу.

Сэм встал, чтобы его выключить. Перед этим он машинально пробежал по нескольким каналам, что возымело на него странное воздействие, он почувствовал что-то вроде укола, вернувшего его к действительности: в мире все шло своим чередом, новости снабжали зрителей

последними сообщениями о тревожных событиях, бессмысленных жертвах и человеческом безумии.

Где-то на Ближнем Востоке террористы взорвали автобус, в результате чего погибли около двадцати человек. В Южной Америке в тюрьме произошел страшный пожар, и сто тридцать заключенных сгорели заживо в камерах, так как администрация почему-то «забыла» их отпереть. Тем временем в Японии законодатель мод в области одежды для собак открывал очередной показ. Под аккомпанемент классической музыки в живом исполнении на подиуме красовались пудели в нарядах из парчи, расшитых бриллиантами за сорок пять тысяч долларов. На просветительском канале известный ученый долго и нудно рассуждал о причинах глобального потепления, в результате чего лед в Антарктиде продолжал таять и испаряться. Огромная глыба льда размером с Нью-Джерси как раз на днях откололась от материка и начала дрейфовать в сторону экватора, обливаясь по пути ручьями талой воды.

Он стоял перед телевизором как замороженный, вовлеченный в водоворот мировых событий, сочувствуя людям, чьи несчастья стали поводом для теленовостей. Хорошо, что очередное отключение электричества вырвало его из этого потока, и он вернулся в соседнюю комнату, чтобы занять свое место рядом со спящим ангелом.

–8–

*Воздух, полный ангелов, светится.
Агrippa д'Обинье¹⁵*

Муслиновые легкие шторы пропускали в комнату так много света, что нечего было и думать о том, чтобы понежиться в постельке и поспать еще.

Вот уже несколько минут Жюльет чувствовала, как солнечный лучик настойчиво пытается открыть ее глаза, проникнув под веки, словно рыбак, раздвигающий створки устрицы. Она как могла сопротивлялась вражескому вторжению до тех пор, пока Дэн Артур, диктор радиостанции «Манхэттен, 101,4», не прокричал ей в ухо:

«Добро пожаловать на волну «Манхэттен, 101,4», – вот она, хваленая «магия радио-эфира». – Сейчас девять утра. Уже девять часов! Разве есть еще лентяи, не вставшие с постели в этот час? Не могу в это поверить! Ведь солнце уже давно согревает город своими лучами. Что у нас на сегодня в программе? Катания на сани в Централ-парке, прогулка на лыжах и игра в снежки...

Есть хорошие новости: все аэропорты открыты, и рейсы, запланированные на выходные, отбывают по расписанию. Будьте все-таки осторожны: на дорогах возможен гололед, а крыши могут не выдержать тяжести снега. Власти нам сообщают также, что два человека доставлены в больницу с сердечным приступом, наступившим в результате физического перенапряжения во время расчистки снега на своих участках.

Поэтому еще раз: будьте осторожны...

Оставайтесь с нами, на волне радио «Манхэттен, 101,4», а пока...»

Тирада Дэна Артура оборвалась на полуслове, так как Сэм решительным жестом стукнул по радиобудильнику, что заставило замолкнуть назойливого ведущего, но не решило участи радиоприемника.

Жюльет проснулась окончательно и поднялась на постели. Хоть она и спала всю ночь как дитя, но мысль о необходимости заняться утренним туалетом стряхнула с нее сон в один миг. Прошлым вечером они были охвачены страстным порывом, но сейчас она, по всей вероятности, выглядит ужасно: взлохмаченные волосы, растекшийся макияж. Нужно срочно бежать в ванную, чтобы принять душ, освежиться и нарисовать лицо.

«Интересно, что положено делать в таких случаях, после столь бурно проведенной ночи? Собрать свои шмотки, поблагодарить за удовольствие и откланяться?»

Но Сэм притянул ее к себе и подарил ей страстный поцелуй, отчасти ответив на ее вопрос.

* * *

Сначала она повела его в маленькую кофейню, прятавшуюся за секретной дверью без вывески. Этим заведением владел один француз, приехавший из маленькой деревушки, расположенной в горах в департаменте Приморские Альпы. Дизайн интерьера был продуман таким образом, чтобы воссоздать до мельчайших деталей дух старинной деревенской таверны: от клетчатых скатертей в стиле Виши до расставленных на деревянных полках старых корзин и коробок с эмблемой Шикоре-Леру вперемешку с упаковками горячего шоколада «Бананиа». Стены, выкрашенные в соломенный цвет, старые афиши, пол, мощенный керамической плит-

¹⁵ Французский поэт, писатель и историк эпохи Возрождения.

кой под старину, деревянные балки на потолке создавали уютную домашнюю атмосферу, какой не было в обычных американских кафетериях.

Адрес этого местечка был известен только завсегдатаям, которые ревниво сохраняли тайну, опасаясь, что, приобретя популярность у туристов, оно потеряет свое очарование.

Именно здесь, в крохотном уголке родной Франции, укрывшемся в сердце Америки, Жюльет рассказала Сэму, в чем прелесть настоящего кофе с молоком и почему французы так любят тартинки с конфитюром. Старенький кассетный магнитофон шестидесятых завораживал немногочисленную публику песнями Франсуазы Арди. Когда красивый голос певицы исполняет одну из самых известных ее песен, Жюльет подхватывает припев. Сэм спросил, о чем эта песня, и Жюльет переводит ему пару строк:

...Ты похож на тех, кто хмур и невесел,
но мне нет дела до их забот,
потому что твои глаза самые синие в мире...

Потом они долго блуждают по тихим извилистым улочкам Гринвич-Виллидж. С неба на землю льется ледяное сияние зимнего солнца, и выпавший накануне снег покрывается блестящей ледяной скорлупой, которая хрустит под ногами. На Вашингтон-сквер они смешиваются с толпой студентов из крупнейшего университета Нью-Йорка, занявшего несколько соседних кварталов. Они бродят без цели, беседуя ни о чем.

Пока у них все хорошо.

Крепко взявшись за руки, как подростки, и переплетя для надежности пальцы, они останавливаются на каждом углу для поцелуя.

Одиннадцать часов. Из-за вчерашней непогоды некоторые автоматы по продаже свежей прессы выдают вчерашние газеты. Жюльет никогда такого раньше не видела в городе, где время никогда не останавливается.

Но для них оно сделало исключение, правда, ненадолго.

Уже полдень. Они решили сделать привал у Бальдуччи, в итальянской закусочной, очень популярной в этом районе. За стеклянными витринами и на уличных прилавках было полно зимних фруктов, всевозможных готовых салатов и морских даров.

Внутри царил соблазнительный аромат свежемолотого кофе и горячей выпечки. Как обычно, здесь собралось много народу, но, похоже, это лишь придало закусочной очарования.

Жюльет взяла инициативу в свои руки. Легкая и проворная, она обегала все прилавки и набрала все необходимое для пикника на свежем воздухе: булочки с кунжутом, пастромами¹⁶, чизкейк, панкейк и кленовый сироп с вермутом...

Пристроившись на скамейке в Сентрал-парке, они устроили трапезу пред замерзшим прудом, в котором обычно плавали утки.

После сладкого она промокает себе губы бумажной салфеткой и наклоняется к Сэму, чтобы стереть капельку сиропа, которая бежит по его подбородку.

Холодный сухой воздух необыкновенно прозрачен и свеж. Порывы ветра обжигают морозом щеки. На небе – ни облачка. Пока Сэм на некоторое время отлучается, Жюльет притоптывает, чтобы согреться.

– Это чтобы избежать переохлаждения! – торжественно заявил он по возвращении и протягивает ей большущий картонный стакан с горячим кофе, купленный у уличного торговца. Оба хватаются замерзшими руками за горячий стаканчик, от которого поднимается горячий ароматный пар. Их лица сближаются, едва не соприкоснулись, и Жюльет опускает глаза, улыбаясь про себя. До сих пор ни один мужчина не смотрел на нее с такой страстью.

---

¹⁶ Маринованная говядина, запеченная и слегка подкопченная.

Затем она проводит по его потрескавшимся губам гигиенической помадой с воском и целует. Потом снова. Целует, целует и снова целует...

Потом они идут по направлению к Гапстоу-бридж. Около моста старая женщина, одетая как цыганка, но с благородными манерами, вежливо просит у них доллар. Сэм недолго думая протягивает ей купюру в пять долларов. Цыганка благодарит и дает им совет: загадать желание на мосту – тогда оно обязательно сбудется.

Ну что, проверим?

Близится вечер. У него с собой была миниатюрная цифровая камера, которую он использовал обычно, чтобы зафиксировать следы хирургического вмешательства и проанализировать потом ход лечения. Он снимает Жюльет во время их прогулки по городу: Мэдисон-авеню, Пятая авеню, Лексингтон... Она хохочет, танцует, поет, позируя перед камерой. Жюльет кажется, что ей опять семнадцать лет. Ее глаза искрятся счастьем, когда она улыбается, лицо сияет. Под взглядом Сэма она чувствует себя очаровательной, обновленной и... «другой», хотя понимала, что всегда была такой, но не могла раскрыться. В эти счастливые мгновенья все ее страхи и печали рассеялись, словно их и не было никогда. Она с изумлением понимает, насколько самооценка зависит от того, смотрит ли кто-нибудь на тебя влюбленными глазами. Просто удивительно, как несколько волшебных часов, проведенных вместе, могут скрасить предшествующие годы самоуничтожения и серой будничной жизни.

Сэм же восхищен жизненной энергией, исходящей от Жюльет. Она просто создана для счастья. В отличие от него самого. Его личная история такова, что радость бытия ему незнакома, он склонен не замечать ту сторону жизни, где царит веселье, как будто это противоречит людской природе. Давно уже он приучил себя воспринимать жизнь как тяжелое испытание, и он пока не был готов отказаться от привычного мироощущения. Для счастья в его графике не было места. Он и не ждал его. По крайней мере, такого.

И счастье так мимолетно...

Вот уже солнце садится на том берегу Гудзона, и небо окрашивается в яркие оранжевые и розовые цвета.

В доме Сэма вечер проникает в ванную комнату. Они вместе лежат в горячей ванне. Рядом с синей кобальтовой вазой в шкафчике Жюльет нашла флакончик ароматического масла и с его помощью превратила гигиеническую процедуру в праздник чувственности. За считанные минуты воздух в ванной насытился восхитительным ароматом лаванды.

Он говорит, что она стала для него праздником весны и новогодним подарком одновременно. Она отвечает ему пылким признанием и читает ему стихи по-французски, специально, чтобы он ничего не понял и не посмеялся над ее наивностью.

На какое-то время она задремала, хотя, возможно, просто сделала вид. Он воспользовался моментом, чтобы разгадать ее характер по ее дыханию. Она рисовалась ему привлекательной, тревожной, трогательной и великодушной...

Она вдруг вспоминает свою сестру, которая замужем за полицейским, их дом в Лиможе и блестящий «Рено Меган». Но отсюда все это кажется ей таким далеким, незначительным и пустым. Ерунда, зато у нее есть ОН!

Они оба не верят в судьбу. Они верят в случай, и только в него. Случайные обстоятельства, которые на этот раз сложились в их пользу.

Им нравится думать, что они были всего на волосок от того, чтобы разминуться, пройти мимо, не заметив друг друга. Сотни раз они возвращаются к вечеру их знакомства. Сэм вспоминает, что никогда раньше по дороге домой не проезжал по Таймс-сквер. Жюльет говорит,

что в тот вечер вообще не собиралась выходить из дому, что все решилось в последний момент из-за случайного стечения обстоятельств.

На самом деле жизнь не так уж плохо устроена, соглашаются оба, благословляя капризы судьбы. Если трезво взглянуть на вещи, то как можно объяснить, что события принимают тот или иной оборот? Конечно, случайность, разве нет? В вихре повседневной жизни какая-то песчинка может перевернуть все вверх тормашками. Представьте себе маленький гвоздик, ненароком оказавшийся на дороге. Ваш отец случайно наезжает на него по дороге на вокзал. Пока он меняет колесо, его поезд уходит, и он вынужден ехать на следующем. Он удобно устраивается в купе, но тут входит контролер: «Проверка билетов, дамы и господа!» Черт возьми, он же забыл прокомпостировать свой билет! К счастью, контролер в тот день в хорошем настроении и даже предлагает вашему папе пройти в вагон первого класса, где есть еще свободные места. Именно там ваш папа впервые знакомится с вашей мамой. Улыбка, обмен любезностями, дорожный разговор, и так, слово за слово, устанавливаются отношения. А потом – бах! И через девять месяцев вы появляетесь на свет. Понятно, что с тех пор все, что вам суждено пережить в этой жизни, никогда бы не случилось, не оказался в то утро на дороге того самого маленького гвоздика, с которого все и началось. *Случайность!* Вот, что лежит в основе нашего существования: маленький гвоздик, плохо завинченная гайка, часы, показывающие неправильное время, поезд, который замешкался на пару минут...

Итак, в данный момент ни Сэм, ни Жюльет не верят в предопределение. Но пройдет совсем немного времени, и одному из них придется изменить свою точку зрения. Возможно, не все случайно в нашей жизни. Возможно, что некоторые события происходят с нами вне зависимости от обстоятельств, просто потому, что они должны произойти во что бы то ни стало.

Как если бы они были записаны в некоей книге судеб.

Словно стрела, выпущенная из тьмы веков, летит сквозь пространство и время и точно знает, где и когда она должна попасть в цель.

Но пока у них все хорошо. На часах –22:30. Они ужинают в плавучем ресторане с видом на Гудзон, пришвартованном у набережной. Отсюда открывается прекрасная панорама на Бруклинский мост.

В зале довольно прохладно.

Она, улыбаясь, говорит ему:

– Зря я сдала в гардероб свое пальто, но я знаю, с тобой мне нечего бояться.

Второй раз в жизни он накидывает свой пиджак ей на плечи.

В ночь с субботы на воскресенье они не смыкают глаз. Им еще надо о многом поговорить, им надо подарить друг другу столько любви! И каждый раз ураган страсти возносит их к небесам, закручивает в водовороте блаженства и устремляет в бесконечность.

Упоенные любовью, они чувствуют, что все их желания исполняются одновременно, и каждый дает другому как раз то, чего ему не хватает. Благодаря ему она ощущает силу и уверенность, в которых всегда нуждалась, а он получает взамен нежность и чувство внутренней свободы, которых был лишен.

Капельки пота выступают на лбу. Как и накануне, она исчезает на какое-то время, чтобы пополнить запасы провизии в маленьком магазинчике, на той стороне Вашингтон-сквер. Из-за холодной погоды жители квартала не покидают своих жилищ, и потому площадь пуста. Пока она идет по заснеженным улицам, ей нравится думать, что в этот момент весь город принадлежит ей одной.

На этот раз она приносит цветные свечи и бутылку удлинённой формы с *ice wine* из Онтарио. Жюльет достаёт её из бумажного пакета и с интригующей улыбкой протягивает Сэму.

– В любом случае это убережёт нас от упадка сил...

Он наливает жидкость соломенного цвета в большой бокал, и они по очереди отпивают по глотку. Он никогда ничего подобного раньше не пробовал. Она с видом знатока объясняет ему, что это особенное вино изготавливают при температуре меньше 10 градусов из предвзрительно замороженного винограда и пускают под пресс с таким расчётом, чтобы кристаллы льда сохранились при переработке.

У волшебного напитка сладковатый вкус и аромат абрикоса и персика, что придаёт их поцелуям привкус мёда.

Они наливают ещё один бокал, потом ещё и ещё. Потом их тела переплетаются, и ночь продолжается головокружительными объятиями.

Стрелки часов неумолимо отсчитывали минуту за минутой, час за часом, и вот наступает воскресенье. Солнечный свет залил гостиную. Жюльет в пижамных штанах Сэма и в его рубашке, свернувшись калачиком среди подушек на диванчике, внимательно изучала воскресный выпуск «Нью-Йорк таймс», в котором было триста страниц. Сэм уже приготовил чёрный кофе и сел за пианино. Он не всегда попадал в ноты, что неудивительно: ведь он не мог оторвать глаз от девушки на диване, словно она – произведение искусства.

Позже они опять гуляют по замерзшему городу вокруг Саттен-плейс, в окрестностях Ист-ривер. Они сидят на скамейке, прижавшись друг к другу, а за ними, как на афише одного из фильмов Вуди Аллена, возвышается массивный Куинсборо-бридж и уходит вдаль, соединяя материк с Рузвельт-Айленд. Шумят волны, завывает ветер, а эти двое, отрешившись от всего мира, согревают друг друга. Жюльет даже закрыла глаза, чтобы ничто не отвлекало её от этих мгновений.

Охваченная мимолетной грустью, она понимает, что приступила уже к созданию воспоминаний, которые сохранит в своём сердце на всю жизнь. Она запомнит его навсегда, не забудет ни единой детали, ни его теплых ладоней, ни аромата его кожи, ни его жгучего взгляда.

При этом она осознаёт, что эти мгновения счастья принадлежат ей не в полной мере, потому что она не «Жюльет Бомон, адвокат».

Но какая разница, в самом деле! Пусть она не по праву присвоила эти счастливые мгновения, они все равно сохранятся в её памяти. И она будет показывать себе эти картинки в тоскливые минуты одиночества, как просматриваешь иногда старый фильм, почему-то запавший в душу давным-давно.

Отголоски пережитого счастья согревают наши сердца, позволяют спокойнее пережить расставание с иллюзиями и снисходительнее относиться к неприятностям, которых в жизни всегда хватает.

–9–

Но жизнь разлучает влюбленных...
Жак Превьер

Воскресенье, 16:00

«Зачем я разрешила ему меня проводить?» – размышляла Жюльет в такси по дороге в аэропорт.

Они расстались с Сэмом в середине дня, чтобы она успела заехать к себе, забрать вещи и переодеться.

Сэм сам захотел приехать в JFK¹⁷ и проводить ее. Они договорились встретиться около стойки регистрации. Ей бы следовало сказать твердое *«нет»*, так как она могла бы не выдерживать сцены прощания. Но она была влюблена, а потому слаба, вот почему она согласилась.

Солнце светило вовсю, когда она вышла из такси напротив зала вылета. Шофер помог ей достать из багажника два тяжелых чемодана и оставил ее на тротуаре перед зданием аэропорта. Жюльет подняла глаза и увидела огромные буквы «ВЫЛЕТ», украшающие эту часть огромного аэропорта. Бог знает почему, но ей вдруг вспомнились слова того странного мужчины, которого она встретила в кафетерии в свой последний рабочий день: «Ничто никогда не проходит бесследно, правда, мы не всегда в состоянии оценить последствия наших поступков... Надо, чтобы вы смогли осознать это до вылета». Особенно его последние слова показались ей странными в этот момент: «до вылета».

Девушка взвалила свои чемоданы на тележку и направилась к автоматическим дверям. «Хоть бы он не пришел», – думала она про себя.

Сэм оставил машину на подземной автостоянке и встал на бегущую дорожку, которая должна была привести его в зал вылета.

Ему не следовало приходить. Он это понимал. Чтобы еще раз убедить себя в этом, он стал перебирать в голове разумные доводы. Да, нельзя отрицать, что за прошедшие два дня они пережили вдвоем волшебные моменты, как будто во всем мире весна наступила только для них. Но он был уверен, что это всего лишь опасное заблуждение. Чтобы между ними возникло настоящее чувство, потребовалось бы гораздо больше времени.

Но правда также и то, что он чувствовал себя совершенно сбитым с толку, так как за эти два дня пережил такие чувства, о существовании которых в себе даже и не подозревал. С одной стороны, он все еще витал в облаках, с другой – упрекал себя за то, что он солгал девушке по поводу Федерики. Если сейчас сказать ей правду, за кого она будет его принимать? За психопата? Впрочем, какая разница! Может быть, он такой и есть.

Он подошел к информационному экрану, чтобы оценить обстановку. Заметив оживление в зоне check in¹⁸, он туда и направился.

Несмотря на обилие вылетающих и их провожающих, ему не понадобилось много времени, чтобы заметить среди толпы Жюльет. Она стояла в хвосте длинной очереди на регистрацию багажа. Он глядел на нее со стороны, не выдавая себя. Она сменила свой шикарный костюм деловой леди на более свободный и простой: потертые джинсы, подпоясанные ремнем с массивной пряжкой, вязаный свитер из разноцветной пряжи, замшевую курточку и длинный, закрученный вокруг шеи пестрый шарф. Репортерская кожаная сумка через плечо и кроссовки на толстой подошве дополняли ансамбль.

---

¹⁷ Международный аэропорт Д.Ф. Кеннеди в Нью-Йорке.

¹⁸ Регистрация (англ.).

В таком наряде Жюльет больше походила не на серьезного адвоката, а скорее на семнадцатилетнюю студентку из богемной тусовки. Так она показалась Сэму еще моложе, еще естественнее и... красивее.

– Привет, – сказал он, подойдя к очереди, проигнорировав осуждающий взгляд отца семейства, стоящего позади нее в окружении стайки своих ребяташек.

– Привет, – ответила она делано непринужденным голосом.

Он положил руку ей на плечо и встал рядом. Они все еще были близки, но уже так далеки друг от друга. Им обоим стало неловко, и они стеснялись даже посмотреть друг на друга, не то что заговорить. Хватило нескольких часов разлуки, чтобы взаимную симпатию сменило взаимное отчуждение.

По мере того, как очередь продвигалась вперед, Сэм толкал тележку с чемоданами, а когда она сдала их в багаж, предложил выпить чашечку кофе. Она машинально повиновалась и с отсутствующим видом пошла вслед за ним, как будто она была уже не здесь, а по другую сторону Атлантики, у себя дома, во Франции.

Из кафетерия с прозрачным окном во всю стену открывался вид как раз на взлетную полосу. Жюльет села за столик у окна, а Сэм отправился в кассу выбирать кофе. Себе он заказал латте, а для нее взял кофе с карамелью.

Поставив поднос с кофе на стол, он сел к ней лицом и хотел посмотреть ей в глаза, но она глядела куда-то в сторону, намеренно избегая его взгляда. Он стал разглядывать ее в упор и заметил на ее замшевой курточке модный слоган *I survived NY*¹⁹, а ниже еще один: *No war – Make love instead*²⁰.

Он, собрав в кулак все свое мужество, отважился первым нарушить молчание и предложил оценить ситуацию с точки зрения здравого смысла.

– Мне кажется, что мы оба бросились друг другу в объятия безрассудно...

Она сделала вид, что пропустила его слова мимо ушей, и, пригубив кофе, внимательно наблюдала, как за окном самолет берет разбег по бетонированной полосе.

– Мы слишком поторопились... Я тебя совсем не знаю, ты меня – тоже. Мы принадлежим к разным обществам, живем в разных странах...

– Ладно, хватит, – оборвала она его на полуслове. – Я поняла, о чем ты...

Ей на глаза упала прядь волос. Он протянул к ее лицу руку, чтобы заправить их за ухо, но она оттолкнула ее.

Тогда он предпринял еще одну попытку, желая быть учтивым, как ему казалось:

– Но если как-нибудь ты окажешься в Нью-Йорке...

– Да-да, конечно! Если я окажусь в Нью-Йорке, если твоей жены не будет дома, если у тебя будет охота трахнуть, было бы мило свидеться еще разок.

– Это совсем не то, что я имел в виду.

– Хватит... – бросила она, неопределенно махнув рукой.

Он продолжал настаивать:

– Но мне казалось, мы четко определили правила...

– Оставь меня в покое со своими правилами! – крикнула она по-французски.

Потом вскочила с места так резко, что ее чашечка с кофе опрокинулась и разбилась об пол. И только в этот момент Сэм понял, как сильно он ее обидел.

Под неодобрительными взглядами она уходила из кафетерия, из последних сил стараясь не расплакаться.

---

¹⁹ Я выжил в Нью-Йорке (англ.).

²⁰ Занимайся любовью, а не войной (англ.).

Из обрывков фраз за соседними столиками ему несколько раз слышалось словосочетание *french girl*²¹, как будто для всех окружающих было совершенно ясно, что только француженка могла себе позволить быть столь эмоциональной...

Жюльет с билетом в руках почти бежала в зону посадки и кусала губы, чтобы не заплакать.

В глубине души она готова была признать, что Сэм отчасти прав.

Нет сомнений в том, что два дня безумной страсти никому не дают права рассчитывать на прочные отношения. Магия, вспыхнувшая между ними, не свидетельствует о родстве душ и не гарантирует долговременный союз. К тому же Сэм женат и живет за шесть тысяч километров от Парижа, а главное – для нее этот факт был самым важным – она сама с самого начала обманывала его, выдавая себя за адвоката.

Она торопливо пробиравась сквозь толпу пассажиров, глядя в пол, думая о своей печали. Неожиданно она вспомнила, что ее очки с диоптриями остались в чемодане, а без них она с трудом различает указательные надписи. На первом этаже она ошиблась и пошла не в ту сторону. Вернувшись, она встала на эскалатор, но опять промахнулась и поехала не вверх, а вниз. Ей пришлось растолкать попавшихся на пути пассажиров, чтобы вернуться на правильный путь. Ее тут же резко одернул полицейский и сделал ей замечание.

Она пришла к выводу, что настал худший день в ее жизни.

Но, как оказалось позже, это было только начало...

«Уважаемые пассажиры! Начинается посадка на рейс 714, следующий по маршруту Нью-Йорк – Париж. Вас ожидают у терминала № 18. Будьте любезны приготовить ваши документы: посадочный талон и паспорт...»

* * *

С отсутствующим видом Жюльет прошла процедуру досмотра, принятую во всех аэропортах мира якобы ради безопасности пассажиров: сняла кроссовки, вынула ремень из брюк, прошла металлодетектор, машинально дала в руки служащему билет и паспорт, потом все в обратном порядке: забрала бумаги, надела ремень и кроссовки, а затем прошла в салон самолета.

В салоне, почти полностью заполненном пассажирами, было невыносимо душно. Стюардесса проводила Жюльет на ее место. Обычно она предпочитала садиться рядом с иллюминатором, но в этот раз ей пришлось сесть между каким-то тучным господином и капризным мальчишкой. Зажатая с обеих сторон, она сделала глубокий вдох в надежде, что ей удастся справиться с учащенным сердцебиением.

В этот момент ей хотелось одного: покинуть салон самолета и бежать к Сэму. Разумеется, она понимала, что это желание совершенно лишено здравого смысла. Она давала себе отчет в том, что ею движет не поиск приключений, а настоящая любовь – это означало, что пришел конец ее юности, и начинается взрослая жизнь.

«Давно уже пора, милая, тебе ведь уже двадцать восемь», – думала она, поглубже устроиваясь в кресле.

Нужно проявить благоразумие, нужно быть сильной. Она уже не в том возрасте, когда решения принимаются спонтанно, без оглядки на последствия, уговаривала она себя. Разве она не решила недавно упорядочить свою жизнь? Действовать обдуманно, жить правильно, как ее сестра...

---

²¹ Француженка (англ.).

Так что надо выкинуть из головы все лишние эмоции, спокойно вернуться во Францию и зажить по-человечески, тихо, мирно и правильно. Пора перестать считать себя умнее других. Отныне она будет жить как все: вести себя скромно, не строить из себя непонятно кого, считать потребленные калории, пить кофе без кофеина, употреблять в пищу экологически чистые продукты, делать зарядку каждое утро по полчаса.

«Ты ведешь себя как маленькая, – упрекала она саму себя. – Зачем тебе это надо? Почему ты хочешь броситься на шею тому, кто тебя не любит? Этот тип к тебе равнодушен. Он ведь и пальцем не пошевелил, чтобы тебя удержать».

Конечно, им довелось испытать за эти пару дней безумство любовной страсти, но надо понимать, что это просто обман: сладкая сказка о любви, воспетая в кино и в литературе.

Она утомилась, размышляя на эту тему, и, подавив зевок, решила поспать, ведь предыдущую ночь она не сомкнула глаз, а накануне спала совсем мало. Из-под сомкнутых век по ее щеке катилась слеза. Она очень устала, все тело болело, мысли путались, и она, быть может, в первый раз в своей жизни решила, что впредь ей стоит на какое-то время воздерживаться от любви.

Последние пассажиры занимали места в салоне, девушка пристегнула ремень и закрыла глаза.

Чуть больше чем через шесть часов она приземлится в Париже.

По крайней мере, именно на это она и рассчитывала в тот момент.

Сэм покидал аэровокзал с непонятным чувством облегчения и вины. Пусть развязка была несколько неожиданной, но так будет лучше для них обоих, думал он. Солнце садилось, скоро станет темно. Пора возвращаться к обыденной жизни. Сэму предстояло пересечь три полосы движения, чтобы добраться до стоянки, где он оставил свой джип. Он подождал на тротуаре, пока не схлынет поток машин, но таксисты разошлись не на шутку, гоняясь друг за другом и охотясь на путешественников, возвращающихся домой после выходных.

Сэм достал сигарету и закурил от своей старенькой зажигалки. Глубоко, с наслаждением затянувшись, он выпустил дым из легких в холодный вечерний воздух. Почему же он чувствовал себя таким подавленным? Понятно же, что это приключение не могло закончиться никак иначе, эта история не могла привести ни к чему хорошему. В его жизни не нашлось бы места для Жюльет. И еще эта ложь, которая легла между ними. К тому же он тянул на своих плечах груз прошлых лет, о которых девушка и понятия не имела, а он сам еще не излечился от воспоминаний.

Впрочем, он готов был признать, что за эти два дня что-то в нем переменялось в лучшую сторону. Он как будто почувствовал, что глухая тоска, поселившаяся в его душе с самого детства, стала рассеиваться.

Но в тот момент, когда он был уже готов ступить на проезжую часть в направлении автостоянки, какая-то сила заставила его остановиться.

Нет, ни в коем случае он не должен был упустить этот шанс. Если Жюльет вот так просто сейчас улетит, он всю жизнь потом будет сожалеть об этом. Ему вдруг померещилось, что она не улетела этим рейсом, что она сейчас стоит и ждет его где-то в огромном зале аэропорта.

Сломав голову он кинулся назад в надежде, что найдет ее там. До сих пор он думал, что ему и дела нет до любовных переживаний, что он выше всего этого, но оказалось, все не так. Как никогда раньше он жаждал любви, причем настолько же сильно, насколько боялся погрузиться в омут страсти. Он изголодался по ней, ему хотелось жить, дышать полной грудью и забыть, наконец, все свои прошлые страхи и страдания. Впервые в жизни он осознал, что способен на это именно благодаря женщине, о существовании которой пару дней тому назад он и не подозревал: последняя надежда человека, утратившего всякие надежды.

Он прибежал в зал вылета, он искал ее в зоне таможенного контроля, около транспортера, где оформляют багаж. Он искал ее повсюду, но не нашел.

В кафетерии за стеклом он увидел огромное поле аэропорта, где самолет, следующий рейсом № 714, выруливал на взлетную полосу. Поздно! У него был шанс, но он его упустил. Возможно, достаточно было сказать всего одно слово: «Останься!» Но ведь он его не сказал.

Самолет, как полагается, застыл на какое-то время в начале полосы, взревел двигателями, взял разбег и оторвался от земли.

Долго-долго Сэм смотрел, как он, качнув крылом, набирает высоту. Он наблюдал за ним до тех пор, пока самолет не превратился в точку и не исчез на небосклоне.

* * *

Он вернулся на Манхэттен в своем джипе. Сэм даже не заметил, как наступила ночь. Он пребывал в каком-то странном состоянии духа: чувствовал, будто его лишили чего-то очень важного для жизни, он испытывал что-то вроде кислородного голодания или абстинентного синдрома. Поставив машину где-то возле Шеридан-сквер, он побрел по тротуару без особой цели, понимая только, что возвращаться домой ему вовсе не хочется. Как он был одинок и несчастен в эти минуты. Ему страшно было представить, что, вернувшись к себе, он обнаружит пустым и холодным дом, где еще недавно они упивались счастьем на островке любви и тепла среди вселенского хаоса.

Сопrotивляясь холодному встречному ветру, он вдруг вспомнил ее лицо, ее запах, ее улыбку и ту самую жизнерадостную искорку, которая всегда светилась в ее глазах. Мысли и воспоминания становились все мучительнее, и, чтобы забыться, он завернул в первый попавшийся по пути бар.

«Силк-бар» не представлял собой тихое уютное местечко, где можно спокойно посидеть, поиграть в триктрак или найти компаньона для партии в шахматы. Скорее его можно назвать современным пабом, то есть такое модное нынче питейное заведение, где собирается молодежь, чтобы пообщаться, послушать музыку, пропустить стаканчик.

Посетителей было много, и Сэм с трудом пробрался к высокой стойке, за которой длинноногие веселые официантки в до неприличия коротеньких шортах ловко жонглировали бутылками, как в баре «Дикий койот».

В глубине зала перед огромным жидкокристаллическим экраном столпились завсегда-таи и оживленно обсуждали футбольный матч, транслируемый в прямом эфире. Сезон только начался, чемпионат обещал стать интересным событием, и у болельщиков было, о чем поговорить. Для них этот воскресный вечер ничем не отличался от предыдущих.

Сэм отсутствующим взглядом смотрел на болельщиков. Поглощенный своими мыслями, он попросил принести себе что-нибудь покрепче, жалея, что в публичных местах с некоторых пор запрещено курить.

Вдруг трансляция футбольного матча прервалась срочным выпуском новостей. Сначала все смотрели его в абсолютной тишине, потом послышались глухие возгласы: «*God! God! Damned!*»²²

Сэм был у стойки и не мог различить, о чем говорит ведущий: у экрана толпились зрители. По правде говоря, его это мало интересовало. Погруженный в свои переживания, он бы не пошевелился, даже если бы объявили о вторжении на Землю злобных инопланетян. Но общее волнение заставило и его присоединиться к толпе, чтобы выяснить, что же там случилось. Он прихватил с собой стакан водки и направился через весь зал в сторону телевизора.

---

²² Боже! Черт возьми! (англ.)

То, что он увидел на экране, повергло его в ужас. Он растолкал людей, чтобы протиснуться ближе. Ему обязательно надо было услышать это самому, чтобы удостовериться...

«Только бы не этот рейс...»

Но, к несчастью, это был тот самый...

Сэм остолбенел, сердце замерло от страха, ноги подкосились. Он почувствовал, как все тело охватила дрожь.

–10–

*Дух дышит, где хочет.
Евангелие от Иоанна, 3:8*

Пригород ОлнэсуБуа, коттеджный поселок

Мари Бомон поставила будильник на пять утра. Ее дочь Жюльет должна была прилететь в Руасси²³ в 6:35, и она боялась опоздать к самолету.

– Хочешь, я поеду с тобой? – пробормотал сквозь сон ее муж с другого края постели, кутаясь в одеяло.

– Нет-нет, – шепотом сказала Мари, погладив его по плечу. – Поспи еще.

Накинув халат, она спустилась по лестнице на кухню. Там ее встретил пес, радостно виляя хвостом.

– Тихо, Джаспер, – сердито сказала она. – Еще рано.

За окном было холодно, дул промозглый ветер. Она приготовила себе чашечку растворимого кофе, чтобы взбодриться. Потом еще одну. Запивая горячим напитком шведскую булочку, она не решалась включить радио и послушать новости, боясь разбудить домашних. Она сладко зевнула и потянулась, в надежде прогнать сонливость. Этой ночью ей очень плохо спалось. Где-то посреди ночи она вдруг проснулась вся в поту, как от кошмара. Но самое странное – она никак не могла вспомнить, что ей приснилось. Как бы там ни было, остаток ночи она проворочалась в постели, но так и не заснула, а наутро почувствовала, что как-то странно ноет сердце.

---

²³ Руасси – Шарль-де-Голль – крупный аэропорт в 25 км от Парижа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.